

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ
ЛЕТЯЩИЙ ВДАЛЬ

FUTURE CORP.

Виктор Робертович Лебедев
Метро 2033: Летящий вдаль
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Дух свободы», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11946291
Летящий вдаль: Издательство АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-093972-5

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Попробуй выжить, когда на тебя объявлена охота, а в союзниках

у тебя только два колеса и порывистый ветер! И счет жизни идет не на секунды, а на намотанные километры, приближающие тебя к конечной цели, результат которой, как ни крути, – смерть. Немногие решаются бросить вызов поверхности. Но каковы же истинные мотивы одинокого байкера, превратившегося в новую легенду постъядерного мира 2033 года? Можно ли дважды войти в одну и ту же воду? И возможно ли убежать от прошлого?

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	36
Глава 3	46
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Виктор Робертович Лебедев Летящий вдаль

© Д.А. Глуховский, 2015

© В.Р. Лебедев, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Вместо пролога

На станции Орехово, незадолго до отправления Олега Немова и его группы в экспедицию в бункер заброшенной войсковой части в Бирюлево

Василий Петрович, комендант станции Орехово, а по совместительству – главный местный сказочник, улыбался. Он любил тихие вечера, посиделки с детворой у костра возле северных гермоворот, когда в углях потрескивает печеная картошечка, аромат разносится по станции, а на него, словно мотыльки на огонь, слетаются мальчишки и девчонки, предвкушая захватывающие истории коменданта под хорошее угощение. Байки Василия Петровича пользовались популярностью, иной раз и взрослые заходили послушать, так складно он рассказывал. Да и отвлечься от трудовых будней не мешало, позабыть хоть на время о тяготах, испытаниях и непростом существовании под землей.

Вот и сейчас, когда подготовка к предстоящему походу почти закончена, нелишне было немного расслабиться. А отдушину комендант находил в детях.

– Глаза у него – что раскаленные уголья, – Василий Петрович указал на затухающий костерок. – В такие заглянешь, и будто душу обожжешь, такой там жар нестерпимый. С ним вообще лучше на дороге не пересекаться – в лучшем слу-

чае калекой останешься. Говорят даже, что он – предвестник Апокалипсиса. Повстречали его как-то на МКАДе, аккуратно накануне Судного дня, а на следующий день мира-то и не стало.

– Так он человек или призрак? – с содроганием в голосе спросила Машенька.

– А шут его знает. Когда-то человеком был. А потом за предсказания проклинали его люди, изгнали из общества своего, запретив даже приближаться к ним. А чтобы неповадно было, выжгли каленым железом на спине страшное клеймо. С тех пор зол он на люд, мстит им. Кто знает, может, и впрямь сделку с дьяволом заключил. Во всяком случае, те немногие свидетели, которые выжили после встречи, потом рассказывали, трясась от страха, что шлейф за ним огненный развевается, а руки цепями опутаны, и прикован он ими к байку своему – мотоциклу, значит. А у свидетелей волосы, брови да одежда опалены оказались, – сложно не поверить. Да и трястись так можно только от страха первобытного, перед чем-то необъяснимым, мистическим, поистине жутким.

– А что сейчас с теми, кто его повидал и выжил? – спросил мальчик из второго ряда слушателей.

– Кто с ума сошел и отправился искать вечное пристанище наверху, в объятиях радиации, кто с собой покончил. А одного нашли с выжженными глазами и остывшими угольками в глазницах, но еще живого. Того из сострадания пристрелили.

– А где это случилось?

– В основном в Ясеновской общине, но встречали его по всей Москве. Караванщики рассказывали. А на Ясенево местные рейдеры пытались изловить его или развеять слух о существовании байкера, но все их попытки были обречены на неудачу. Не дался им в руки призрак, только обжигающий огненный шлейф, словно издеваясь, махал им на прощание. А догнать его оказалось не под силу – слишком быстр, звяряга.

Но есть люди, которые считают его обычным человеком с тяжелой судьбой. А окрысился он на людей потому, что от рук рейдеров погибли его жена и ребенок. Вот и мстит байкер с той поры всем без разбору. И нет конца его ненависти.

– А вы как думаете, Василий Петрович?

– Я? – комендант потер лоб, поморщился. – Скажу так: есть в нашей жизни место необычному, необъяснимому, странному и пугающему. А правда – она где-то посередине... Ну ладно, ребятки, на сегодня со сказками покончено. И так засиделись что-то. Ну-ка быстро по койкам!

Детвора нехотя потянулась к своим палаткам.

В кабаке на станции Печатники

– Слышь, Плесень, нацеди-ка мне своей браги. Башка с похмелухи раскалывается.

Дородный мужчина за стойкой кинул быстрый взгляд, но

отвечать на грубое обращение не стал – когда не знаешь, кто перед тобой, лучше попридержать язык. Ответить всегда успеется. Да и Плесенью его, по правде говоря, звали многие, и было за что – на бритой голове бармена красовалась серая, с неровными краями отметина, смахивающая аккуратно на пятно плесени на сырой стене. Но одно дело знакомые или товарищи старые, а другое...

– Слышь, – видимо, все разговоры собеседник начинал с этого словечка, – а ты не в курсе, тут на станции один тип залетный не появлялся?

В метро давно ходила поговорка: кто владеет кабаком, тот владеет информацией. А где еще можно узнать свежие новости? Через подобные забегаловки проходили десятки людей, под алкогольными парами выбалтывались различные секреты, которые следовало держать за зубами, в кабаках совершались сделки, клиенты находили заказчиков, да даже ничем не примечательный разговор для одного обывателя становился кладезью полезной информации для другого. В общем, хочешь узнать последние новости – ищи место, где с глухим стуком встречаются разномастные кружки, а пьяный гомон слышен на десятки шагов вокруг. Ну а если ты владелец всеми уважаемого и почитаемого заведения, а при этом еще и неглупый парень, то дополнительный заработок, считай, у тебя в кармане. Покупатель всегда находится – информация в любое время ценилась превыше всего. Вот и еще одна не потерявшая актуальность поговорка из прежней жиз-

ни: кто владеет информацией, владеет миром.

– Что за тип? – выдержав небольшую паузу, оглядевшись по сторонам и понизив голос, спросил бармен.

– Такого сложно не заметить, уж слишком он приметен. Ты, я вижу, человек немолодой, помнишь еще то время, сразу поймешь. – Собеседник многозначительно поднял палец к потолку. Палец был кривой, видимо, не раз его ломали, пытаясь получить ценную информацию. Опять эта информация!

– Приметы скажешь? Или думаешь, я мысли могу читать? – даже у осторожного бармена терпение может быть на исходе, тем более, когда клиент явно считает его за дурака. Или сам дурак.

Собеседник поморщился – тон Плесени ему явно не понравился. Но информация была важнее, а если что, поставить на место бармена всегда успеется.

– Байкер не появлялся здесь случайно? – Прямой вопрос, наконец, прозвучал. – Надеюсь, не надо объяснять, что это за зверь и с чем его едят?

Бармен кивнул, не переставая натирать потемневшую жестяную кружку сомнительной чистоты тряпкой. Представитель санэпидстанции, если бы он мог случайно оказаться здесь, поседел бы вмиг от ужаса. К счастью для одних и к сожалению для других, подобный класс людей давно вывелся.

– Много здесь людей ходит, всех и не упомнишь, – протянул бармен, мельком поглядев на беспокойные руки сидя-

щего напротив за импровизированной стойкой, сколоченной из остатков мебели. Руки не предвещали ничего хорошего. Уж бармен-то за свою жизнь столько их повидал, научился разбираться. Руки убийцы, не иначе. Тем не менее Плесень, сглотнув слюну и скрыв беспокойство за привычным нати- ранием кружек, продолжил: – Бывает, за день не одна сотня. Всем подай, принеси, налей. Не всегда человека разглядишь в такой суете.

Первое впечатление часто обманчиво. Вертлявый непри- метный собеседник с жиденькими волосами и руками убий- цы недобро улыбался, а огромный как шкаф бармен с паль- цами-сардельками вращал в руках кружки одну за одной. Но именно этой махине приходилось потеть и волноваться под ледяным взглядом худенького мужичка. Было в этом что-то комичное.

Минута молчания тянулась неприлично долго, затем кли- ент хмыкнул, улыбнулся еще шире, обнажая неровные обло- манные зубы. Атмосфера немного разрядилась. По столеш- нице гулко прогремели патроны. Пять щелчков – пять патро- нов. Плесень проявил чудеса ловкости – еще не успел стих- нуть звук, а самые популярные в две тысячи тридцать тре- тьем году дензнаки исчезли, будто их и не было.

– Припоминаю, – бармен выдохнул сильнее, чем следова- ло. Вздох облегчения не скроешь, если не знаком хотя бы с актерским мастерством «для чайников». Факт не остался незамеченным таким бывалым и ушлым клиентом. – Был

здесь вчера такой.

Клиент нахмурился. За щедрую плату можно бы и побольше информации предоставить, а тут словно клещами приходится вытягивать. Вот бы сейчас сюда настоящие клещи, да еще парочку особых инструментов, да комнатку со звукоизоляцией – пары минут бы хватило вызнать все, что необходимо. Нет, бармен определенно бесил все сильнее.

– Это *все*, что ты можешь мне сказать?

Слова, произнесенные с нажимом и нескрываемыми нотками раздражения, подействовали – бармен поспешно закивал.

– Говорят, его Веденеев вызывал. Дело какое-то у них. С Полисом связано. Но это все, что я знаю. Ко мне байкер не заходил, и, насколько я понимаю, больше ни с кем на станции не общался. Иначе мне было бы известно больше.

– Тогда откуда знаешь, что он вообще на станции был?

– Один человек верный рассказал, что смог услышать... Нет, имя его я тебе не скажу, и плата не поможет, – сказал и немного отодвинулся от собеседника – осторожность с незнакомцами нужна.

Клиента совсем не интересовал информатор – вряд ли тот будет знать больше. А начальник управления безопасности Конфедерации Печатников Андрей Павлович Веденеев должен принять меры предосторожности и оградить конфиденциальный разговор от лишних ушей. Самое главное он уже узнал – байкер вряд ли сейчас далеко. К тому же наверняка

вернется еще раз, за окончательным расчетом – только дурак платит все деньги наперед. В крайнем случае придется браться за Веденеева, хоть это и сулит большие сложности: политика, мать ее, а здравый человек в это болото без особой нужды не полезет. А теперь нужно раствориться в толпе и сменить одну незапоминающуюся личину на другую. Он с сожалением посмотрел на бармена.

– Слушай, ты извини... Никто не должен знать, о чем мы тут с тобой только что беседовали.

Бармен не сразу расслышал в словах неизвестного угрозу. Пойми он на несколько мгновений раньше, и последовавшие за этой фразой события можно было бы предотвратить. Но вечерняя работа накладывает отпечаток – мозг в задымленном и пропахшем брагой помещении иногда позволяет себе холостые обороты. Руки реагировать все же начали, но было слишком поздно. Иногда даже мгновение – непозволительная роскошь.

Средь бела дня на оживленной станции решиться на убийство может либо самый отчаянный, либо полный придурок, либо чересчур уверенный в себе человек. Когда голова бармена разлетелась от выпущенной в лоб пули, тому было не до игр в угадку, кто из означенных сейчас перед ним. Со стороны же неизвестный придурком не казался. Как бы там ни было, никто не решился встать у убийцы на пути или попробовать его остановить. Посетители забегаловки лишь ошеломленно провожали взглядом перешедшего с шага на бег

невысокого человека, о чем-то оживленно беседовавшего пару минут назад с барменом, а потом неожиданно пустившего ему пулю в лоб из пистолета с глушителем. Этого недолгого всеобщего замешательства незнакомцу вполне хватило для того, чтобы скрыться с места преступления. Все выходы со станции перекрыли спустя пару минут, но убийцу так и не нашли, несмотря на то, что все вокруг перевернули вверх дном.

В общине рейдеров недалеко от станции Ясенево

– Задолжал он нам сильно: дел натворил, большой прибыли лишил. Такое не прощается. Серьезная обида на него у Главного.

Двое мужчин – один с факелом в руке, хоть немного рассеивающим тьму вокруг, – плелись по сырому мрачному коридору. Под ногами чавкала грязь, тут и там капли с потолка падали на пол, но люди не обращали на это внимания, а все шли и шли дальше, в глухую мглу.

– Так почему ж его до сих пор не грохнули?

– Говорят, Главный уже обо всем позаботился.

– Я бы и сам голыми руками удавил гада, попадись он мне, – говоривший изобразил жест, будто откручивает голову невидимому противнику.

Тот, что с факелом, повыше ростом, взглянул на товарища сверху вниз и хмыкнул:

– Байкер целый отряд наших раскидал, а ты – «голыми руками»... Когда его нет рядом, все смелые. На словах.

– Кажется, пришли, – вот отличная возможность сменить тему, ставшую вдруг неприятной. Никому не нравится, когда уличают в трусости.

Лязгнули цепи, и из темноты подвала донесся глухой рык.

Оба мужчины враз попятились, инстинктивно хватаясь за длинные ножи, висящие на поясе.

– Пушистик! – несмело позвал в темноту тот, что повыше ростом, выставя перед собой факел и водя им из стороны в сторону. – Давай быстрее, чего тупишь? Ненавижу эти дежурства-кормления, – повернулся он ко второму.

Товарищ рывком скинул с плеч нелегкий рюкзак и принялся торопливо распутывать завязки. На пол шлепнулись дурно пахнущие куски мяса не первой свежести.

– Ну, чего застыл? Кидай ему быстрее, и давай обратно. Или хочешь сам таким же куском мяса стать?

На границе света и тени показалась мохнатая лапа, затем еще одна. Последовал еще один рык, от которого у мужчин подогнулись колени. Затем шумное сопение – тварь в углу учуяла запах мяса.

Мужчина с рюкзаком подцепил ногой кусок побольше и швырнул его к ногам зверя. Раздалось чавканье. Туда же последовали и остальные куски мяса.

– Жри, не подавись, – тихонько под нос буркнул факелоносец. И уже громче – своему соратнику: – Пошли отсюда.

Через сотню метров былая уверенность вернулась. Да и молчание напрягало, а за словами легче спрятать страх.

– Как думаешь, зачем он Главному? – мужчина с рюкзаком мотнул головой назад.

– А ты спроси на досуге, – улыбнулся щербатым ртом факелоносец. – Глядишь, объяснит, перед тем как обедом Пушистику станешь.

– Думаю, с такой дрянью и Байкер бы не сладил.

– Вот что ты опять эту мерзоту вспоминаешь? Предатель твой Байкер и для всей нашей общины первый враг.

– Он у меня одну вещь украл.

– Это какую же?

– Зажигалку. Значила она для меня много – память все ж таки.

– Понятно. И из-за зажигалки ты готов человека убить?

– Совестьливый, да?! А ничего, что он до черта наших положил и сбежал?!

– Да ладно, не кипятись...

Оба помолчали, а потом второй вздохнул:

– А я бы от его байка не отказался. Если под тобой такой зверь, то ты – король дорог.

– Угу, король. До первого мута. Много ты сейчас по поверхности наездишься. Там и дорог-то давно никаких нет, а...

Но тут впереди трижды вспыхнул и погас луч фонаря.

– Свои! – крикнул в темноту туннеля мужчина и начертил

в воздухе замысловатую фигуру горящим факелом.

Часть первая

Рок-н-ролл забытых улиц

Глава 1

Неожиданная новость

В дороге, где-то на трассе М-4

Я вспоминаю недавние события. Сначала – встреча с этим человеком на станции Печатники. Запомнил его должность, но шишка немаленькая – второй человек в Конфедерации, и, по всему видно, метит на место Главы. Во всяком случае, уже распоряжается и ведет себя как первое лицо. Подо мной ревет мой дружище-байк, выплевывает сизый дым из глушителей, а мне лишь остается предаваться воспоминаниям, не забывая следить за дорогой. Я привык не обращать внимания на задания, которые подчас выдумывают люди, не интересуюсь и причинно-следственной связью, пока капают денежки. Точнее, патроны. Валюта нового мира. Все просто – я делаю работу и не задаю вопросов. За это меня и ценят. Наверное, меня считают сумасшедшим. За двадцать лет человек научился прятаться под землей, в рукотворных норах. Я не принимаю эту игру. В любой момент, когда захочу, могу

поднять глаза и увидеть небо. Никто и ничто кроме смерти не лишит меня этой возможности.

Этот мерзкий мужик, Веденеев, пообещал баснословную сумму. Путь несложный, и убивать никого не надо, ни людей, ни мутантов. Всего лишь залезть в один архив в подмосковном городке и привезти документы, которые, якобы, должны там находиться. Меня не волнует, что это за бумаги, кому от них хорошо или плохо – кодекс чести у каждого в этом мире нынче свой. А чем дольше путешествие – тем интереснее. Что еще нужно, когда ветер в лицо, а за плечами пройденные километры?

Затем эта встреча с рейдерами, которая едва не оборвала мою жизнь. Я снова мысленно возвращаюсь к событиям последних суток...

...На станции Печатники я впервые, но мне нет дела до ее убранства – подземные убежища никогда не впечатляли мою вольную натуру. Мимолетом отмечаю серые пыльные колонны и приютившиеся между ними палатки, причудливые домики из подручных материалов, снующих торговцев за лотками и прочий вялый люд. Дело-то к ночи, после трудового дня особо не побегаешь. В глазах людей – отрешенность и смирение, они давно приняли свою судьбу и даже не пытаются ее изменить. Такое мне никогда не было понятно.

Шишки поважнее обитают в подсобных помещениях за станцией. Я долго иду по мрачному, сыроватому, тускло

освещенному коридору вслед за провожатым – вертлявым малым, одной из шестерок тутошнего босса. Сзади топает дюжий охранник с АК на плече, небрежно положивший на оружие безвольно свисающую руку – верх попустительства. Захоти я, и обезоружил бы его в два счета. Если охрана первых лиц здесь устроена таким образом, то удивительно, что власть до сих пор не сменилась. Хотя я тут же припоминаю эту серость на станции, потухшие глаза, и мне становится ясно – им просто ничего не надо. Но наверняка должны быть и другие – сталкеры, например. Хотя тем только и нужно – вылазки да найденный хабар. Уверен, их жизнь получше, чем у обычного люда.

Наконец, мы останавливаемся возле обшарпанной деревянной двери. Мрак над нами рассеивает лампочка, она позволяет лучше рассмотреть стоящих рядом со мной людей. Мой провожатый – худоватый парень с затравленным взглядом, на вид лет двадцати-двадцати пяти. Прядки волос налипли на влажный лоб. Здесь довольно прохладно, из чего я делаю вывод, что работка у него та еще, заставляет попереживать и поволноваться. Одет он в какую-то серую робу. Бросаю взгляд назад – увалень-охранник переминается с ноги на ногу – мужика оторвали от любимого занятия: просиживать дни напролет на деревянном ящике у входа в подсобные помещения. Оттого и чувство опасности притупилось, и он не смотрит даже за мной, пришлым и чужим для станции человеком. Все мысли – поскорее вернуться обратно на

насиженное место. Потому что давно ничего не случилось, унылая жизнь течет своим чередом, сменяя дни на ночи и обратно.

Провожатый несмело стучит в дверь и робко спрашивает:
– Андрей Павлович, можно? Посетитель прибыл.

Посетитель? Я усмехаюсь. Скорее, подрядчик. Выполняющий грязную работу.

– Корниенко? Входи.

Корниенко отворяет дверь, раздаётся противный скрип. Хоть бы петли смазали. Представляю, как тошно выслушивать такое изо дня в день.

За столом сидит тучный мужчина, который тут же встает и идет навстречу, протягивая руку для приветствия. По телосложению сразу видно, что работка у него сидячая и непыльная – знай себе отдавай приказы направо и налево. А люди вроде моего провожатого носятся, выполняя их и расшибая лбы. Ну, да это не мое дело.

Андрей Павлович улыбается, но улыбка неискренняя, а глаза и вовсе злые. К такому лучше лишний раз не поворачиваться спиной. Мне и раньше приходилось выполнять его задания, но всегда они передавались через посыльных и других третьих лиц, поэтому знакомы мы только заочно. Если на этот раз вызвал лично, значит, предстоящее задание особенно важно, и чем меньше ушей услышат о нем, тем спокойнее заказчику.

Я стою посреди небольшой комнаты. Взгляд мой скользит

по стенам, ненадолго задерживается на небогатом интерьере – покосившемся шкафу в углу, скамье у стены, паре стульев и массивном, грубо сколоченном столе. На стене криво висит карта метрополитена с карандашными пометками. Опасности не ощущаю, моя интуиция молчит. Пусть я и оставил оружие на входе в подсобные помещения, но при необходимости справиться с этими людьми мне не составит труда.

Понимает это и Веденеев, не дурак. Если бы меня хотели схватить, то наверняка действовали бы другим способом, а не приглашали в логово льва. Поправка: не льва – гиены.

Андрей Павлович бросает хмурый взгляд на стоящих за моей спиной охранника и провожатого и кивком головы провоживает их из кабинета:

– Свободны.

Охранник ретируется с видимым удовольствием: слишком много усилий приложил для моего сопровождения сюда – пора дальше протирать штаны.

Провожатый задерживается на пороге, силясь что-то выговорить, но от сильнейшего волнения выдает лишь мычащие звуки. Андрей Павлович кивает:

– Корниенко! До завтрашнего дня больше мне не нужен. Жду в восемь утра!

Тощего будто ветром сдувает. Еще один мучительный и нервный день для него завершен. Надолго так мальчика не хватит.

– Андрей Павлович, – представляется Веденеев, на что я

коротко киваю:

– Знакомы заочно. Уже выполнял для тебя пару заданий.

Глаза Андрея Павловича сужаются, отчего морщинки у глаз становятся резче, но я не тороплюсь представляться в ответ – лишняя и бесполезная трата времени. Он ждет некоторое время, потом понимает, что бесполезно – условности не для меня.

– Сразу к делу, – говорю я, заранее предупреждая попытки собеседника начать издалека.

Веденеев недобро улыбается.

– Говорили мне, что ты суров, но не думал, что настолько. Ну, хорошо. К делу, так, к делу. – Он бросает мимолетный взгляд на мой пояс, проверяя на всякий случай, безоружный ли я.

Я хмыкаю.

– Что смешного?

– Охрана у тебя, Андрей Павлович, ни к черту. Советую сменить тот мешок на входе, он при всем старании и желании защитить тебя не сможет. Или думаешь, безоружен – значит, безопасен?

Андрей Павлович немного бледнеет.

– Пойми, сдача оружия на входе – это формальность. А в твоих возможностях я и не сомневаюсь, иначе не просил бы прибыть на станцию. Дело важное, как раз по твою душу. Плачу прилично.

Жестом я предлагаю ему продолжать, а сам без приглаше-

ния плюхаюсь на стул. Ножки издают жалобный стон, качаются, но выдерживают столь невежливое обращение.

– На самом деле, там делов-то чуть. Единственная сложность – придется попутешествовать, но тебе ведь это не впервой.

Я поторапливаю:

– Поближе к сути. Куда? Когда? Что надо делать?

Андрей Павлович отвечает:

– Как раз собирался сказать. Путь твой лежит на юго-восток, есть там один небольшой городок, ну, или что там от него сейчас осталось. Называется Дзержинский. Слышал о таком? Вот тебе точные координаты, – на стол передо мной ложится автомобильная карта прошлого мира с отмеченным на ней красным кружком местом назначения.

– Что я должен там сделать?

– Я же говорил, взять документы, которые лежат в одном архиве. Адрес я тебе дам. Ничего сложного. Прибываешь в город, находишь архив, забираешь документы и возвращаешься. Непыльная работка. Заодно покатаешься. Береешься? Треть плачу сейчас, остальное по завершении, – сумма на слух звучит почти неприлично по метрошным меркам, но еще до того, как я ее слышу, я уже знаю ответ.

– По рукам.

Получив адрес, подробные инструкции, и, главное, аванс в небольшом вещмешке, я резко поднимаюсь на ноги, отчего Веденеев вздрагивает, и бросаю на прощание:

– До встречи.

Спину буравит острый взгляд Андрея Павловича, но вряд ли он сомневается в выборе исполнителя – моя репутация говорит сама за себя.

Народу на станции поубавилось. Я направляюсь к «герме». Справа среди колонн приютилась местная забегаловка, и впервые за пятнадцать лет у меня возникает желание пропустить стаканчик-другой. Но все же я прохожу мимо, прогоняя недобрые мысли. Там, за стойкой, замечаю Корниенко – перед ним мятая жестяная кружка, и он о чем-то треплется с огромным барменом. Вот парень бросает взгляд на меня, поспешно отводит его в сторону и шепчет что-то на ухо владельцу заведения. На мгновение наши с барменом взгляды пересекаются, после чего я теряю к обоим интерес.

Поверхность встречает меня настороженно. Вдали слышен вой – тоскливый, унылый, словно неведомый мне мут жалуется на свою судьбу. В воздухе – тихое шуршание крыльев. Летуны выходят на ночную охоту – этих лучше опасаться.

Идя на встречу, я оставил свой байк неподалеку – во дворах по улице Гурьянова, в ржавой «ракушке», удивительным образом уцелевшей за двадцать лет апокалипсиса. От слишком любопытных установил растяжку, но за время моего отсутствия таковых не нашлось. Осторожно снимаю ее, откатываю в сторону внушительный камень, которым подпер дверку гаража. Лязг проржавевшей двери разносится по

округе. Надо торопиться, а то сейчас сюда сбегутся всякие твари. Пострелять из обреза и помахать топориком я всегда успею, незачем лишний раз расходовать силы – приберегу их для предстоящего путешествия. Завожу мотоцикл. Рычит и стрекочет движок, байк плюется дымом из выхлопных труб, и я выезжаю на заваленную хламом улицу.

В тот вечер меня и находят рейдеры. Меня все-таки выследили, а тесные улицы оказались на стороне преследующих. Я знаю, что за мою голову назначена приличная награда – для ясеновских рейдеров я словно кость в горле. Пули царапают мой шлем, дырявят багажник. Я поздно понимаю, что свернул в тупик. Жестокая схватка с рейдерами выходит короткой, двоих удается убить, еще один сбегает.

Тогда я решаю, что задание Веденеева немного подождет, тем более никаких сроков мне не ставили. Сейчас важнее сбить преследователей со следа, затаиться, переждать. И Москва – не самое подходящее для этого место. Байк, пустынные дороги, редкие заброшенные поселения, подвалы и подземные стоянки – вот что ждет меня в ближайшее время. Никакого плана, соображу по дороге. Главное – смотаться подальше, пока озлобленные рейдеры не вздернули меня на первом же уцелевшем фонарном столбе.

Через час, взяв все необходимое в дорогу из своего тайника, я, выбирая улицы посвободнее, поворачиваю на юг...

...Воспоминания отступают. Большой город остается по-

зади. Документы из архива, так необходимые Веденееву, я беспрепятственно забираю – побудут пока у меня, а закину их Андрею Павловичу позже. Теперь соображаю, куда двигаться дальше. Надеюсь, у меня получилось побольше наследить, чтобы до рейдеров дошел слух, будто ненавистный им Байкер сбежал из города. До полного наступления ночи еще час с лишним, за это время можно покрыть немалое расстояние, а заночую в каком-нибудь строении, которых попадаетея немало на пути.

Луна, глядящая с неба, кажется потасканной и ободранной. В воздухе носится мошकारа, издавая пронзительный писк, норовя то и дело залепить обзорное стекло шлема. Приходится двигаться медленно, отмахиваясь от надоедливых насекомых. Справа на западе расцветает небо, багряными сполохами окрашиваются тучные облака. Кроваво-красный закат бесподобен. Никогда не устану любоваться им. Если не обращать внимания на встречающиеся вдоль дороги обвалившиеся домики, покосившиеся плетни и поросшие высокой травой и редкими узловатыми деревьями поля, то здесь мало что изменилось. Дорога хоть и растрескалась, но вполне проходима, практически свободна от мусора,хлама и сгнивших машин. Продвигаться вперед мне не составляет большого труда, благо мой двухколесный товарищ пока не на пенсии, еще послужит мне. Приходится быть осторожным, но осторожность – не порок, а полезное качество. Я бы даже сказал, незаменимое, когда хочется жить.

Спустя час я притормаживаю у заброшенного склада. Придирчиво осматриваю помещение. На входной двери чудом сохранился металлический затвор – можно запереться изнутри. Но я на всякий случай устанавливаю пару растяжек и для пущей уверенности натягиваю перед дверью с внешней стороны тонкую проволоку с парой консервных банок, которые нашел неподалеку – послужит сигнализацией. Внутри не нахожу ничего полезного. Дозиметр молчит, и слава богу – искать в темноте новое укрытие не хотелось бы. В дальнем углу от двери обустроиваю себе нехитрое место для ночлега из ветоши и деревянных палет. Справа от себя кладу обрез и «ТТ», слева – свой любимый топорик, которым разнес уже не одну черепушку. Мне кажется, что я сегодня не смогу уснуть – мозг слишком возбужден новостью о том, что на меня охотятся рейдеры, а сердце предательски болит. Мысли жалящими пчелами неистово продолжают кусать изнутри. Ну, хоть немного отдохнет тело от дороги.

Несмотря на все переживания, на удивление быстро засыпаю.

Только во сне меня называют по имени. Ни одно живое существо в реальности не знает, как меня зовут. Но сны мне не подвластны. Во сне *она* зовет меня по имени, тянет ко мне свои нежные руки, но всегда между нами какая-то преграда: неприступный забор, ручей с сильным течением и скользкими камнями на дне или просто туман, в котором я плутаю, но никак не могу выйти из него на любимый голос... Кида-

юсь из одной стороны в другую, но туман становится только гуще. Просыпаясь после таких снов, я не чувствую себя отдохнувшим, а в сердце разливается тоска. Вот и сейчас, задолго до рассвета, я подсакиваю, словно кто-то силой выдергивает меня из беспокойного сна, и знаю, что уже не засну больше. Остается лишь лежать на стареньких палетах, укрывшись кожаной курткой, и терпеливо ждать начала следующего дня. Ночью одиночество чувствуется острее...

* * *

— Куда путь держите?

Что заставляет меня остановиться возле повозки на обочине пыльной дороги и спросить? Я не слишком любопытен, просто первый раз в жизни не знаю, куда мне идти. Что может быть хуже, когда нет цели? Средство передвижения выглядит весьма экзотично: ветхая крытая повозка с грязным пологом, на крыше — деревянный ящик, под платформой, между колесами, висят подвешенные на крюках вещи. И запряжена самой настоящей лошадкой, с виду вполне обычной, если не обращать внимание на лишнюю пару ушек на голове.

Незнакомцы могут быть опасны, но старик с кнутом в руках не выглядит таким. Такое ощущение, что он еле держится на неудобном сиденье. Старик поднимает на меня уставшие красные глаза. Нижняя часть его лица скрыта грязным

выцветшим платком, из-под шапки, похожей на папаху, выбиваются курчавые седые волосы.

– Чужак, у нас нечем поживиться, ступай своей дорогой.

– Ты неправильно меня понял, – я отчего-то вдруг чувствую вину, – мне не нужны ваши вещи.

Откидной борт повозки распахивается, и из-за него показывается женщина, вся увешанная браслетами и бусами. На ней широкая цветная юбка и кофта с расширяющимися от локтя рукавами. Рот и нос также закрыты повязкой.

– Лара, иди обратно, – не поворачиваясь, говорит мужчина с кнутом.

– Еще чего, – бурчит женщина и с вызовом смотрит на меня. – Ты кто?

– Он уже уезжает.

Я вижу, как рука старика тянется к свертку, лежащему рядом – наверняка там оружие. Если эта пара стариков до сих пор жива и путешествует по поверхности, значит, они не такие уж безобидные, какими кажутся на первый взгляд. Я отрываю руки от руля байка и демонстрирую их мужчине.

– Все в порядке, мне действительно пора.

– Куда же? – с интересом спрашивает женщина.

Я вижу, как она поудобнее устраивается на краю повозки, свешивает ноги и начинает ими болтать. Замечаю, что внутри повозка заставлена корзинами, наполнена всевозможными мешками со скарбом. Цыгане, скорее всего. Бродячие. Встречал я таких в окрестностях Москвы.

Пожимаю плечами:

– Туда, где мне найдется работа.

– Знаю я одно место. Были мы там как-то. Люди выжили и к югу отсюда.

Выжили? Разве можно выжить в иссушенных, кишащих монстрами степях? Если только эти люди – хиреющие и загибающиеся, покрытые язвами и считающие последние дни.

– Вполне себе неплохо живут, – словно прочитав мои мысли, продолжает она.

– Где живут? – спрашиваю я.

– Есть небольшой городок, Волгодонск называется.

Дальнейшие слова Лары я уже слышу, словно в тумане. Перед глазами – цветущие тополя и пух, щекочущий ноздри, неширокие улочки и панельные дома, мост через искрящийся на солнце залив и Цимлянское море, неспешно накатывающее волны на берег. Величественно раскинулись степные просторы, разрезаемые лесополосами. Лето, жара. Именно в такой жаркий денек я потерял все это.

– ...ты меня слушаешь?

Вопрос вытаскивает за шиворот из омута, в который я угодил, благодаря своим воспоминаниям. Замечаю, что руки слегка дрожат.

– Отвлекся, – голос хриплый, будто простуженный, от волнения подводит. Что это? Испытание? Совпадение? Случай?

– Там ты вполне сможешь найти себе работу, как мне ка-

жется, — добавляет женщина.

Кажется, цыганка немного смущена моей реакцией, но она ни о чем не догадывается. Но какова была вероятность, что я услышу от бродяг именно про мой родной город? Не областной центр, а маленький провинциальный город? Не очень большая, прямо скажем. Хочу ли я увидеть, во что превратились родные места за двадцать лет? Стоит ли ворошить прошлое, от которого не спасет даже быстрый байк?

— Ты не ошиблась?

Слова произношу как будто не я, в то время как настоящий «я» наблюдает за происходящим со стороны: вот он, байкер, с потерянными лицом, в глазах — боль и... страх? И, вместе с тем, жгучее желание увидеть, узнать. Что я там найду кроме прошлого, спрятанного глубоко в моем подсознании? Выдержу ли?

— Я никогда не ошибаюсь, — поджав губы, отвечает Лара. — А хочешь, погадаю, касатик? — вдруг спрашивает она.

— Спасибо. Пожалуй, откажусь.

— Да я денег с тебя не возьму, рыцарь дорог.

Я смотрю в ее мутные глаза и качаю головой.

— Ну как знаешь, касатик. Ну, тогда хоть совет прими. Берегись красивых девушек с черными тюльпанами, беги от них подальше, — напоследок говорит мне она, пока ее мужчина взмахивает кнутом, заставляя лошадь двигаться дальше.

Я смотрю им вслед несколько долгих секунд, а затем на-

правляю байк дальше по пыльной дороге, обдумывая услышанное. А в душе растет волнение.

* * *

Байк несет меня вдаль, наворачивая километры на свой счетчик. Мимо проносятся заброшенные покосившиеся домики, заросшие сорной травой поля, непроходимые лесополосы. Кое-где скрючившаяся растительность уже подобралась вплотную к дороге, еще немного – и она поглотит потрескавшуюся серую полосу асфальта. Я вдруг замечаю, что у обочины дороги три волколака дружно треплут что-то. Звери слышат рев моего движка и поднимают залитые кровью морды с красными глазами. В них – только злоба и голод. Для них я – добыча. У дороги лежит тело растерзанного мужчины. Сквозь разодранную грудь торчат обломанные ребра, живот распорот острыми клыками тварей, руки и одна нога обглоданы до костей и неестественно вывернуты. Как он очутился здесь один, за столько километров от ближайшего населенного пункта? Может, он с одной из деревенок, коих в округе немало, и кое-где еще сохранилась разумная жизнь? Но сейчас это уже неважно. Мужчина безнадежно мертв. Отчего я тогда остановился и жду, когда волколаки подойдут ближе? Разве мне есть до них дело?

Твари не верят своему счастью: сразу две добычи за день для них. Для глуповатых созданий они проявляют удиви-

тельную смекалку – заходят с разных сторон и не торопятся атаковать сразу же, проявляют осторожность. Или дело в том, что они уже насытились? Да и вид моего байка их тоже немного смущает.

Я неспешно слезаю с мотоцикла и делаю шаг навстречу ближайшей твари. Если атаковать первым и не ждать, то у меня будет время, чтобы развернуться к остальным двум. Волколак скалит зубы, рычит. Такое ощущение, что он надо мной насмехается. Посмотрим, кто будет смеяться через несколько минут. Я снимаю с пояса обрез и стреляю в упор – до зверя чуть больше пяти метров. Полчерепа сносит, как не бывало. Тело твари отбрасывает в придорожную пыль, кровь толчками выталкивается из зияющей раны, окрашивая дорогу в алые тона. Кровь бликует в лучах полуденного солнца, разливается на асфальте, проникая в трещинки, впитывается дорожным покрытием, чернеет от пыли.

В этот момент прыгает вторая тварь. Я кидаю на землю обрез, выхватываю топорик, инстинктивно приседаю. Сверкает на солнце сталь. Две отрубленные лапы отлетают в сторону, волколак взвизгивает и катается у моих ног, больше не помышляя об атаке – пачкает мои сапоги густой маслянистой алой жидкостью, скулит. Пинком я отбрасываю извивающееся тело и смотрю в глаза третьему зверю. Тот пятится – признал во мне более сильного хищника и понимает, что со мной лучше не связываться. Но поздно. Бросок, волколак с некоторым изумлением скашивает глаза и еще стоит в недо-

умении парочку секунд, не веря в случившееся – изо лба его, ровно посередине между глаз, торчит лезвие топора, с хрустом врубившееся в кость. Затем тварь заваливается на бок, не издав больше ни звука. Ударом ноги в горло я добиваю лишившегося лап зверя и иду к телу мужчины на обочине. Зачем? Зафиксировать и без того явную смерть?

В карманах у покойника не находится ничего полезного. Да, я не брезгую забирать вещи у трупов, на том свете они им ни к чему. А тут ни оружия, ни документов. Вообще ничего. И чего его занесло так далеко? Уже не узнать, с какой целью оказался он здесь, и я лишь искренне желаю бедолаге лучшей участи в следующей жизни, если она есть.

Мой верный байк мчит меня дальше – к землям далеким и родным, пугающим и манящим одновременно.

Глава 2

АКСИНЬЯ

Ростовская область, недалеко от Волгодонска

Кукушки нынче уже не те. Их нужно обходить стороной, и как можно по более удаленной траектории. Извечный вопрос: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?» давно не актуален. Тут бы несколько минут продержаться, повстречав на пути уродливое тело некогда очень даже симпатичной птички. А ее крик вполне может заставить лопнуть барабанные перепонки.

Вот же непруха.

Единственный выход – обходить вдоль реки. На дороге – заметит, на старенькой «Ямахе» от нее непросто уйти, хоть и разучилась летать, зараза, с довоенных времен, да и вдруг забарахлит не ко времени верный железный товарищ. Что тогда делать? Попробуй объясни «птичке», что случайно оказался на ее территории, проездом. За проезд по чужой территории нынче пошлину платить надо. И не всегда антибиотиками, патронами да снедью можно откупиться. Иные и свежего мяса норовят урвать.

Вдоль реки двигаться приходится медленно. Глушитель на выхлопной трубе негромко чихает сизым дымом. Только не навернись, родной – сейчас совсем не время. Тогда рокот

чужака с потрохами выдаст. Балка на пути завалена всяким мусором – ветками, корягами, ветошью прошлого довоенного мира, арматурой. Двигаясь осторожно, приходится объезжать препятствия на пути, а так хочется рвануть как можно быстрее из гиблого места. Благо, местность более-менее ровная, без порогов и оврагов, да и крупных камней немного.

Солнце палит уже нещадно. В истертой косухе жарко, и я снимаю ее, сворачиваю и прячу в багажное отделение сзади. В очередной раз проверяю, заряжен ли обрез, висящий на левом бедре. Пот струится по ноющей спине, рубаха неприятно липнет к телу. Хочется сорвать приевшийся намордник, но при взгляде на пыльную дорогу желание улетучивается. Дышать пылью не хочется. А вдруг в ней содержится эта дрянь – наследие последней войны в истории человечества? Дозиметр, пристроенный на руле, молчит – он мое спасение, верный набат, предупреждающий о беде, спасающий от очагов радиации, встречающихся на пути. Казалось бы, вот она, желанная прохлада, прямо передо мной. Окунуться бы в божественную влагу реки. Но нельзя. Даже если бы фон позволял водные процедуры, порой в кажущейся на первый взгляд спокойной воде водится такое, что еще долго в кошмарах сниться будет.

Угрожающее бормотание кукушки доносится уже слева и немного сзади – опасный участок почти миновал, глядишь, и на этот раз пронесет. Неужто запас везения еще не израсходован?

И тут, почти уверовав в очередной хеппи-энд, которых на моем коротком послевоенном веку случилось уже немало, краем глаза замечаю рябь на водной глади. Там, среди редкой камышовой поросли, на заболоченном участке возле берега с моей стороны, из воды вдруг вырываются пузыри, лопаясь с жутким звуком. Смерд чувствуется даже через «намордник». Владелец столь смачной отрыжки не заставляет себя долго ждать – на поверхности показывается тупоносая морда с глазами навыкате и длиннющими усами, обыскивающими пространство вокруг.

Только этого еще не хватало! А ведь почти выбрался из неприятной ситуации.

Сом, – а именно он и является обладателем шикарнейших усов длиной в пять-шесть метров и толщиной с руку взрослого человека, – утробно рычит и грозитя ухватить меня своими выростами, больше напоминающими щупальца морского чудища. Эгей, а на концах усов-то присоски! Их покрывает какая-то гадость, напоминающая густую слизь. Подозреваю, что даже малейшее их прикосновение смертельно: сочащиеся ядом выросты парализуют в мгновение ока. Сам видел, как волколак, далеко не самое безобидное создание из водящихся здесь, в степях, стал жертвой сома, спустившись к реке попить.

На помощь мне неожиданно приходит недавний враг, встречи с которым я так старался избежать. Крик кукушки заставляет меня подскочить в седле и судорожно вцепиться в

руль. Прямо надо мной проносится туша «птички», выбросив вперед острые как ножи когти. К счастью, не я оказываюсь объектом столь пристального внимания. Порыв ветра почти сбивает меня, и я петляю, низко пригнувшись к земле и исполняя причудливые трюки, которым позавидовал бы любой каскадер в былые времена.

Отбежав на достаточное расстояние, я решаю остановиться – нечасто увидишь на своем веку битву двух титанов. Схватка выходит короткой. Кукушка с наскока пробивает мощным клювом спину водному монстру, выдирая позвоночник. Кровь заливает «птичку», отчего она выглядит еще более устрашающе. Но победа неожиданно уплывает из-под ее клюва: в последний момент сом обвивает усами своего противника. Тщетно бьется в этих смертельных объятиях кукушка, молотит куцыми крыльями, оставляет когтями длинные борозды на гладком теле рыбыны. Сегодня победителей не будет.

На этом скоротечный бой завершается, но еще какое-то время вода, где только что скрылись два монстра, бурлит, выбрасывая на поверхность сгустки багряной крови, расплывающиеся в неспешном течении.

Задерживаться дальше не имеет смысла. Ревет двигатель, отдавая дань памяти погибшим тварям, и я мчусь дальше, навстречу знойному прошлому.

Мой байк – моя гордость. Настоящее произведение поста-

покалиптического искусства. Умелец из села неподалеку от Пензы нашил листы по бокам для защиты ног, установил пуленепробиваемое стекло над рулем, сняв его с отслужившей свой век инкассаторской машины и подогнав по размеру, укрепил раму, приварил сзади дополнительные баки, на ободах колес закрепил ножи – теперь если какой-нибудь зверь захочет ухватить, как минимум рассеченной пастью отделается. Ну а если просто облаял волколак, так это хорошо – к ровной дороге.

Движок «Ямахи» перебрал я сам. В таких вещах я никому не доверяю. Хоть и старенький уже мой японец, но несколько лет еще послужит. Расплачиваться за байк пришлось серьезно, он стоил мне деликатных и весьма опасных заданий. Зато мой стальной конь в дальнобоях редко меня подводит.

Шлем – отдельный шедевр. Этакий гибрид мотоциклетного девайса и пристегивающегося к нему намордника-респиратора. А с затылочной части скалится саблезубик, прижавшийся к земле и готовый к прыжку – этим я обязан одной странной художнице из Подмосковья. Не перевелись еще таланты на наших просторах.

С тех пор я наматываю километры по развалинам столицы нашей родины и окрестностям, подрабатывая, как придется. Берусь за грязную работку, которая не по силам понтовым рейсерам¹ и джагерам² – эти сильны только стаями, по

¹ Рейсеры – байкеры, обитающие в крупных городах. Как правило, имеют дорогой мотоцикл, дорогую экипировку. Обычно передвигаются группами.

одному – пугливые. Остатки мотобратств можно еще встретить кое-где, но дальше своей территории они редко выходят. Рейсеры пару раз покушались на мою «Ямаху», устраивая мне засады, но на той дороге хозяином оказывался я. Да и куда их трайкам³ до моей железяки. На сухой дороге мне нет равных, да и по соплям⁴ моя чесотка⁵ очень даже ничего.

Единственное табу – я против второго номера. Категорически. Ни к чему хорошему это не приводит. Пассажиров не беру. В попутчиках у меня только ветер.

Мой старый надежный друг несет меня, рассекая степь. Дымится под колесами побуревшая от знойного солнца земля. Еще немного – и глазу откроется пойма с зарослями горбатых раскидистых ив. Двадцать долгих лет разделили меня и родные просторы. Двадцать лет я ждал снова этого свидания. И в груди становится тесно. Странно, я никогда ранее не слыл сентиментальным.

Я чувствую смятение и сбавляю стремительный бег моего стального скакуна.

² Джагеры – байкеры без мозгов, еще их часто именуют «самоликвидаторами» или «полуфабрикатами».

³ Трайк – трехколесный мотоцикл, часто самодельный, на базе чего угодно. Иногда встречаются и промышленные образцы. Их владельцев часто называют «трайкерастами».

⁴ Сопли – мокрая дорога в дождливый день (сленг байкеров).

⁵ Чесотка – четырехсотка, мотоцикл с объемом двигателя 400 кубических сантиметров (как правило, японского происхождения).

Впереди, во всю необъятную ширину степи, плещутся и пенятся водные просторы. А справа от меня все так же спокойно катится зеленоватая вода, лаская стройное русло с пологими откосами и вливаясь в огромную водную чашу.

И тут я допускаю ошибку. От неудержимого восторга с примесью горечи и нотками ностальгии внимание становится рассеянным. Это мгновение стоит мне многого: не заметив валун, выросший под ногами, я налетаю колесом прямо на него. Стальной конь подо мной вздыбливается, натужно стонет и вышвыривает меня из седла. От удара о землю слетает шлем.

Пошатываясь и растирая лодыжку, я встаю на ноги. Говорят, падение мотошлема – очень плохая примета. Неминуемо последует падение с байка. Но как быть, если я уже упал? По старой привычке плюю на место падения шлема и притоптываю сверху. Недалеко замечаю странную длинную палку с ведрами, прикрепленными на обоих концах. Память услужливо подсказывает – коромысло. С такими в свое время ходили за водой красавицы-казачки. Само по себе очень странное обстоятельство. Откуда оно здесь? Но тут же я забываю обо всем. Мой стальной конь, израненный, лежит в пяти шагах от меня. С первого взгляда становится понятно, что раны его серьезные. Переднее колесо сильно помято, спицы полопались, а обод напоминает знак бесконечности. Бак кровоточит, но это поправимо – временно можно заделать. Левый стальной лист сорван. И еще по мелочи. По-

среди пустынной степи повреждения почти катастрофичны. Абзац! К тому же нестерпимо болит в груди, а во рту ощущается привкус крови. Не дай бог, сломаны ребра. И в этот момент я чувствую рядом еще чье-то присутствие. Осматриваюсь.

Недалеко от воды, на камне, увитом виноградной лозой, сидит девушка поразительной красоты. Заметив мой взгляд, она медленно поднимается и направляется ко мне.

– Я знаю, что тебе нужно. Я уже давно жду здесь тебя.

Легкий ветерок перебирает золотые кудри молодой красавицы.

– Есть город... – Слова, словно ушат холодной воды в стужу.

Мое тело покрывается гусиной кожей, и я вздрагиваю. Кажется, что ее губы остаются неподвижными, когда она говорит. Что это? Оптическая иллюзия? Тепловой удар? Но нет, стоящая передо мной девушка более чем реальна.

– Есть... – повторяет она.

В голове моей вихрь вопросов, но я не решаюсь задать их вслух.

Она улыбается, и в это мгновение я забываю обо всем на свете. Гордая, величавая осанка девушки и мечтательная улыбка будоражат душу, мешают думать свободно, размышлять. Длинное платье в оборках – словно продолжение струящейся мутноватой речной воды, узел тяжелых кос – буд-

то копна выцветших водорослей. Мысли путаются. Я мучительно пытаюсь собраться, но она уже захватила власть надо мной.

— Там, — ее рука властно указывает на восток, где струится дымка, и сложно что-то разглядеть в мареве. — Ты найдешь все ответы там. Поторопись.

Я киваю, отчего-то слепо доверяя ей.

— Но как? — Первые слова даются мне с огромным трудом.

Она прикладывает палец к губам и игриво смотрит на меня. А затем медленно разворачивается и уходит прочь. А за ней шлейфом расцветают жуткой и нечеловеческой красотой багрово-черные тюльпаны.

— Скажи хоть имя! — в отчаянии кричу я вслед.

И как шепот ветра еле слышно доносится:

— Акси́нья...

Ощутимо тянет гарью. Я чувствую, что уже близко. Мои слова подтверждает и пепел, который медленно кружится вокруг меня, оседая на землю мягким покрывалом. Через стекла шлема кажется, что это снег. Видимость ухудшается с каждым пройденным метром. Что скрывает от меня пепельное покрывало? А вдруг за этим саваном меня ждет смерть? Или я уже на ее территории? Но мне совсем не страшно. Байкеры не умирают, они становятся ветром.

В небе проносится стая птиц. Отсюда невозможно разглядеть, являются ли они угрозой для меня. К счастью, они не

проявляют особого любопытства и, немного покричав над моей головой, уносятся прочь.

Есть город, говорила она. И есть мечта. И я к ней иду.

Глава 3

Чучельник

Волгодонск, через месяц после встречи с Аксиньей

Теперь я могу сказать с полной уверенностью – родной город стал мне тюрьмой, откуда невозможно выбраться. Она не позволяет и всячески препятствует этому. Как я только ни пытался, бежал в разных направлениях: север и юг, запад и восток. И каждый раз сталкивался с таким сопротивлением. Кто или что она? Почему встает каждый раз на моем пути? У меня нет ответа. А может, я просто свихнулся, и все это мне просто чудится. Не было и нет никакой Аксиньи. Тем не менее, я до сих пор здесь.

После первой нашей встречи я набрел на одну общину недалеко от города. Местный мастер помог мне отремонтировать байк, подлатал моего верного товарища, и я в долгу не остался – по его просьбе разобрался с шайкой бандитов, досаждавших общине уже довольно давно.

Все это время на душе словно скребли когти саблезубов – я подозревал, что будет тяжело видеть город таким, но не думал, что настолько. На его истерзанных улицах мне чудились прогуливающиеся люди, в пустых проемах окон мерещился теплый призывный свет, а степной ветер шевелил листья акаций и тополей, носил пух, перебирал складки одежд

прохожих, ерошил волосы. И сейчас здесь была жизнь, но она скорее жалко ютилась, пряталась в подвалах и бомбоубежищах, и очень часто в ней оставалось все меньше и меньше человеческого.

Вторая встреча с Аксиньей произошла в том же самом месте. Я как раз покидал город с тяжелым сердцем, стремился как можно быстрее сбежать от увиденного, хотя теперь в моей памяти он останется именно таким – разрушенным, серым, неприветливым и жутким. Мой байк уносил меня по шоссе на север, как вдруг горизонт вспыхнул алым, а на дороге прямо передо мной возникла женская фигурка. Я крутанул руль, мотоцикл занесло, и я вылетел из седла. На этот раз падение обошлось без серьезных последствий.

А Аксинья улыбалась, приветливо склонив голову набок. И голос плыл по ветру:

– Обратной дороги нет. Неужели ты не понял этого с нашей последней встречи? Ты не сможешь выбраться из города.

– Почему?

– Все должно заканчиваться там, где когда-то начиналось. Я яростно затряс головой, не соглашаясь.

– Кто ты? Что ты такое? Никто не сможет остановить меня или указывать, что мне делать и как поступать.

Звонкий залиvistый смех.

– Ты можешь пытаться, сколько хочешь, пока не поймешь,

что все тщетно.

— Кто ты? — она проигнорировала мой вопрос и на этот раз.

Я делаю два шага вперед и упираюсь в невидимую стену. Она не твердая, а податливая, словно густой кисель. Но с каждым новым шагом двигаться вперед становится все труднее, пока, наконец, сила противодействия не становится сильнее меня. Снова и снова я бросаюсь на штурм, и каждый раз вынужден откатываться назад ни с чем. Силы нестерпимо тают, и вот я без сил падаю на пыльную землю. И слышу от Аксиньи на прощание:

— Любые дороги, будь они по серебристому морю или по знойной степи, навсегда закрыты для тебя, странник. Будь ты птицей, то смог бы выбраться, ибо небесная высь неподвластна мне, но крыльев у тебя нет.

Я пытался выбраться отсюда много раз. И все время на пути вставала эта невидимая стена. Иногда появлялась и Аксинья, но она большей частью молчала, лишь улыбалась кроваво-красными губами и смотрела с сочувствием на мои жалкие потуги. Но знай, я не сдамся. Я кричу эти слова ей в лицо, ветер пытается вбить мне их обратно в глотку, я рычу, давлюсь, кашляю, но не сдаюсь. Она смотрит на меня с замешательством, наверное, ее удивляет моя сила воли.

— Я не сдамся!

На свалке у Чучельника

Свое жилище Чучельник выстроил аккурат под бывшей свалкой. Наверное, я один из немногих, кому удалось побывать там. Сейчас я здесь по очередному заданию, которое выполняю для этого странного человека. Масштабы жилища откровенно поражают. Извилистые коридоры и множество комнат, в которых легко заплутать, всевозможные предметы, которые Чучельник притащил сюда сверху, со свалки, и которые буквально кричат об ужасном вкусе хозяина, способного соединить несочетаемое. Но кому до этого есть дело?

Я стою в комнате с зеленым в бурых пятнах креслом с провалившимся сиденьем, рядом – светильник с сохраненным наполовину абажуром, над ним дешевая фото-картинка с городским пейзажем, а рядом изображение чего-то сюрреалистического, такое ощущение – выполненное самим хозяином. В углу старый ламповый телевизор с чудом уцелевшим кинескопом, на нем – непонятная металлическая конструкция из велосипедных спиц, на стене рядом – рама (по-видимому, этого самого велосипеда) и знак «Въезд запрещен» с характерным красным кирпичом. Пол укрыт стершимся («иранским», как не без гордости заявляет Чучельник) ковром. Я бывал и в других комнатах этого удивитель-

ного «дома». Но самое странное в нем – чудовищная коллекция. Именно из-за нее я называю мужчину Чучельником. Есть у него страсть – коллекционировать чучела монстров, мутантов, живности, которая обитает в округе. Пото­му и капканов, да и прочих ловушек на подступах к свалке и в ближайшей лесополосе навалом. Коллекция точно не для слабонервных, по ней можно писать учебники биологии нового мира. А Чучельник их пытается даже классифициро­вать. К слову, в прошлом он именно учителем биологии в местном ПТУ и работал. Сказывается профессия.

Под коллекцию в доме отводится несколько комнат. В одной – летучие создания этого мира. Средних размеров птер раскинул кожистые сморщенные крылья под низеньким по­толком комнаты. У меня большие сомнения, что Чучельник изловил тварь своими силами – не думаю, что он справил­ся бы. Ну, может, наткнулся на раненую птичку и добил ее. Здесь же и создания поменьше – от особей размером с го­лову человека до вполне приличных размеров. Крылья, ког­ти, клюв и хвост – вот что объединяет тварей, собранных в этом помещении. Хотя при взгляде на некоторых у меня возникает справедливое сомнение, могут ли они вообще ле­тать. Вспоминая эпизод с кукушкой, делаю вывод: летать во­все необязательно, можно просто далеко прыгать.

В двух соседних комнатах собраны всевозможные ползу­чие гады и хищники. Уродливые тела змей, рептилий, яще­риц, грызунов, представителей семейства кошачьих, парочка

волколаков и другие малоизвестные мне твари, проследить путь эволюции которых представляется мне уже более сложным делом.

Благодаря чистому энтузиазму Чучельника коллекция довольно обширная. Жаль, научного интереса уже ни у кого не вызовет: нет уже научных институтов, перевелись ученые, давно не проводятся конференции и семинары в научных кругах.

Жемчужина коллекции – человекоподобные мутанты с различными уродствами, практически утратившие привычный облик. Таких в нашем мире нынче немало, сам не раз сталкивался. Как правило, это почти такие же животные, звери, хищники.

Чучельник живет не один – с дочерью. Такой же чумазой и странной. В ее диком взгляде я не могу прочесть человеческих чувств, только животные инстинкты. Сейчас, по-видимому, ее нет в доме, или прячется в одной из комнат-нор. Мне, в принципе, до нее нет никакого дела. Да и вообще лишняя минута пребывания здесь не доставляет никакой радости. Пусть и минуло уже двадцать лет с того дня, как развалился мир, а на свалку заезжала последняя мусорная машина, и все равно даже сейчас в коридорах дома Чучельника витает этот запах гнилости, так свойственный мусорным кучам.

Пока я разглядываю новые предметы в комнате – набор облезлых матрешек на подставке-гладильной доске, – на по-

роге комнаты появляется хозяин. Он шаркает ногами, стараясь обратить на себя внимание. Я оборачиваюсь.

– Принес?

Я бросаю на стол небольшой сверток в промасленной бумаге.

– А ты сомневался?

В ответ ловлю на лету мешочек, в котором звякают патроны. Чучельник придиричиво заглядывает в сверток и удовлетворенно причмокивает. Затем смотрит на меня.

– У меня пока нечего тебе предложить, но через три дня заходи, будет еще одно задание.

– Ты обещал кое-что узнать для меня, помнишь?

Чучельник скребет в затылке.

– Ты про Аксиныю?

Я киваю.

– Среди старейшин города ходит легенда, что Аксиныя защищает наш город, сберегает от бед, своими чарами скрыв его от зла. Правда, народ не верит ни в какую Аксиныю, это всего лишь байка, чтобы развлечь людей.

– Ну хорошо, предположим, что это так. А откуда она тогда взялась, старейшины не говорят?

– Есть мнение, – Чучельник морщит лоб, вспоминая то, о чем ему рассказывали, – что одна девушка принесла себя в жертву. Душу положила, чтобы сохранить жизнь родных и близких, сгорела в пламени войны, но защитила, отвела напасть. Напекают даже на черную магию. С тех пор душа ее

неприкаянная бродит здесь, страхом питается, потому что не нашла покоя. Но это кто во что верит. А еще говорят некоторые, что Аксинья для каждого своя.

– Н-да, – сказки Чучельника мне ничем не помогают и не приближают к разгадке тайны. Пора собираться, и так слишком задержался на этой помойке, не отмоешься потом.

Уже на выходе перед заскорузлой грубой дверью мне чудится странный звук. Я замираю. Вот опять. Пауза. И снова он. Что-то мне напоминает. Я смотрю на Чучельника и вижу, что тому не терпится меня выпроводить поскорее. Я рукой отодвигаю хозяина с дороги, делаю пару шагов назад, прислушиваюсь.

– Что там у тебя?

– Экземпляр один, – слишком быстро, чтобы это было правдой, отвечает Чучельник, и эта скоропалительность говорит лишь о том, что он врет.

– Я посмотрю, – это не вопрос, я уже иду на звук – куда-то в дальние комнаты, слева от основного входа. Чучельник пытается встать у меня на пути, но бесполезно. Вряд ли звуки издавала его дочь, иначе он бы не врал. И очевидно, что это живое существо, которое хозяин прячет от других, а ведь он так любит хвастаться своей коллекцией.

Неровный утрамбованный пол не позволяет идти быстро, надо смотреть под ноги. Решетчатые окна в потолке не везде, в коридоре их вообще нет, поэтому приходится довольствоваться проникающим сюда рассеянным светом из комнат. Но

этого мало, поэтому и буксую так долго. По пути заглядываю в несколько комнат, но там ничего и никого. Наконец, мы останавливаемся перед помещением в самом конце этого извилистого коридора. В отличие от других комнат, здесь вход прикрывает внушительная дверь, к тому же запертая на висячий ржавый замок.

– Открывай.

Чучельник возится с замком, бросая взгляды назад – тает время, засранец, оценивает ситуацию, прикидывает различные варианты. Но я слежу за каждым его движением, положив руку на топор, заткнутый за пояс.

С громким противным лязгом дужка выходит из замочного корпуса, и дверь ползет в сторону. Я толкаю перед собой Чучельника и вхожу следом. Затем поворачиваюсь к хозяину:

– Ты что, гнида, уже людей отлавливать начал для своей коллекции?

В темной комнате находятся двое. Плохое освещение не позволяет хорошо разглядеть детали, но даже так мне видно, что передо мной люди, один побольше габаритами, средних лет, второй – совсем молодой парень. Оба скованы цепями, не позволяющими им спокойно передвигаться по всему помещению. Цепи протянуты через мощное железное кольцо в полу. Рты пленников заткнуты кляпами, поэтому они и могут издавать лишь мычание.

– Я дважды повторять не буду. Кто они и зачем здесь?

– Так надо, это личное, – Чучельник суетится передо мной, заламывает руки. – Задолжали они мне.

Я задумываюсь. С одной стороны, долг – это святое. Да и мое ли это дело? С другой, здесь явно что-то нечисто.

– Ну-ка, вытащи кляпы, посмотрим, что скажут они. В споре важно услышать обе стороны.

Моя интуиция говорит мне, что передо мной обычные люди, случайно оказавшиеся не в том месте не в то время. Но выяснить все просто необходимо. Чучельник настаивает, что люди угодили в ловушку в его владениях, и они явно тут неспроста, а хотели что-то украсть. Пленники же утверждают, что они забрели сюда случайно. Ежу понятно, что они что-то недоговаривают, но злым умыслом здесь не пахнет. Ладно, оставляю выяснение истинных мотивов на потом. Получается, слово Чучельника против их слов. Чью же сторону принять?

Двое мужчин представляются. Старшего зовут Иваном Даниловым, младшего – Мишей Ермолиным. Они вкратце рассказывают свою историю: случайно забрели в лес, долго по нему плутали и, наконец, вышли к бывшей свалке, где угодили в яму-ловушку, любезно обустроенную Чучельником для всяких тварей. А дальше оказались в плену у этого странного и столь негостеприимного хозяина. Я намеренно не спрашиваю, зачем Иван и Миша отправились в этот лес – подозреваю, что они вряд ли расскажут. Ладно, предысторию оставим на потом. Но думаю, что в жилище Чучельника

на свалке они попасть не стремились, да и красть здесь абсолютно нечего. Не экспонаты же. Пока они говорят, я осторожно наблюдаю за ними. Иван производит впечатление балагура, ему в охотку поговорить, он уверен в своих силах, ничуть не тушует перед неудобными вопросами. Оставляет приятное впечатление. Миша же в силу возраста эмоционален, в чем-то наивен, но заметно, что судьба его здорово потрепала. Он все время норовит вклиниться в разговор, перебивает, волнуется. Пожалуй, от него проще будет узнать всю правду. А Чучельник, знай, продолжает спорить с ними, не верит словам.

Ссориться с работодателем ни к чему. Тем более задания он подкидывает часто ненапряжные, а платит исправно и хорошо. Но что-то останавливает меня и не дает бросить это дело. Пленников надо вызволять, сам не знаю, зачем. Может быть, в них я вижу выгоду для себя? Чем они мне так интересны и запали в душу?

Решение находится быстро. Я спрашиваю Чучельника, что он хочет взамен свободы своих пленников. Тот недолго думает, а затем говорит вполголоса:

– Если поймаешь Кошмара, так и быть, отпущу их.

Сразу понятно, что это какой-то мут, необходимый для коллекции. Я киваю, соглашаясь:

– Будет тебе Кошмар, но мне нужны инструкции.

Чучельник смотрит на меня округлившимися глазами, машинально приглаживая свои длинные сальные волосы –

только что обычный смертный так легко согласился поучаствовать в охоте на, судя по всему, очень опасную тварь. Но мне все равно. Гораздо опаснее охотиться на людей. А уж с безмозглой тварью я как-нибудь справлюсь.

Мы заключаем устный договор, крепко пожав друг другу руки. В нашем мире этого достаточно – никакая бумажка уже не имеет юридической силы. Только доверие или предоплата. В данном случае я знаю, что, если приведу Кошмара, то Чучельник сдержит свое слово.

Из коридора слышится голос дочери психа:

– Я дома.

Вскоре в дверях показывается и сама девушка. Чумазое лицо, всклокоченные, нечесанные волосы с засохшими комками грязи. Она зыркает на меня исподлобья, затем оглядывает пленников, поворачивается к отцу и произносит:

– Я слизней насобирала. После дождика их всегда много.

Небольшое лукошко в ее руках почти до краев наполнено шевелящейся серой массой. Маленькие толстые тельца слизней копошатся, пытаясь выбраться из плетеной тюрьмы.

Дикарка с недоверием и подозрением глядит на меня, затем на пленников.

– Можно обедать.

– Мы не голодны, – спешит заверить Миша, еле сдерживая приступ тошноты.

Я тоже вежливо отказываюсь. Тут же нахмурившееся лицо девушки немного разглаживается, и она говорит уже бо-

лее приветливо:

– Тут на всех бы и не хватило. Кстати, а чего ему надо здесь?

Девушка бесцеремонно тычет в мою сторону пальцем.

– Он согласился поймать Кошмара.

При этих словах дикарка вздрагивает и окидывает меня долгим взглядом. Наверное, считает сумасшедшим. Чья бы корова, как говорится, мычала...

Мы сидим на автомобильных шинах, используемых здесь вместо стульев, и обсуждаем детали предстоящей охоты. Чучельник только что рассказал, как выглядит тот зверь, которого мне необходимо поймать. Описал ареал обитания – тут недалеко. Интересуется, не передумал ли я.

– Я свое слово держу, если обещал – поймаю.

Дикарка, сидящая рядом, тихо шепчет, но ее слова не ускользают от моего слуха:

– Или он тебя поймает...

– Только его в помощь возьму, – заканчиваю я, указывая пальцем на Мишу, – в качестве приманки.

Чучельник пытается спорить, затем машет рукой. Ну, вот и договорились.

Глава 4

Охота на зверя

Лесополоса за свалкой

Свой байк я оставил на попечение Чучельника, наказав строго-настрого не прикасаться к нему своими грязными лапами. Я знаю, что моим пожеланиям он следовать будет.

Мы с Мишей бредем по лесополосе. Скрюченные деревья норовят уцепиться за одежду, тормозят, будто пытаются отговорить нас от приближающейся встречи с Кошмаром. У меня есть ориентир – огромный овальный камень, торчащий из земли, за ним начинается территория твари. Так мне сказал Чучельник, наказав двигаться строго на восток.

Парень идет рядом, опустив голову, я стараюсь поменьше разговаривать с ним – пусть придет в себя. Кажется, мои слова про приманку немного его шокировали.

Я не выдерживаю первым.

– Не волнуйся, – говорю, – на самом деле мне нужен лишь тот, кто меня подстрахует. Никакой приманки. Просто на спине у меня, как видишь, глаз нет. А Чучельнику сказал так, чтобы он тебя отпустил.

– Чучельнику? – Миша смотрит на меня, в глазах читается облегчение, смешанное с недоверием.

– А ты не видел его коллекцию?

Миша отрицательно мотает головой.

– Показывал он мне свои богатства, там чучелами мутантов несколько комнат под завязку забито.

Я вижу, что Миша сомневается во всем, что я говорю, и имеет на то основание – доверять каждому встречному не стоит. Я пытаюсь заслужить его доверие, достаю из-за пояса «ТТ» и вручаю парню:

– Держи, с оружием в руках спокойнее. Умеешь пользоваться?

Миша кивает и уверенно берет пистолет. Какое-то время идем молча. Под ногами шуршит прелея листва, воздух вокруг плотный, густой, застоявшийся, дышать тяжело. Я привык, что в лесу всюю кипит жизнь: вздыхают, кричат, воют, рычат всевозможные обитатели, слышен шорох лап, когтей. Но здесь непривычно тихо. Видимо, Кошмар всех распугал в округе. С другой стороны, лес – это, конечно, громко сказано. Вроде бы когда-то здесь рядом были лесополосы и садоводческое хозяйство, вот и разрослись они за двадцать лет.

Вскоре действительно натыкаемся на камень. Он именно такой, каким его описал Чучельник – огромный, почти с человеческий рост, местами покрытый мхом, влажный, исцарапанный с одной стороны – кто-то поточил об него коготки. Камень – будто надгробие павшим и готовящимся пасть во имя и славу его хозяина. В ноздри ударяет резкий противный мускусный запах, и я понимаю, что мы во владениях Кошмара.

– Надо поискать хорошее укрытие и затаиться, – тихонько бормочу я, осматривая ближайшие деревья.

Вспоминаю слова Чучельника: «Он сам вас найдет, по запаху». Перспектива укрыться в кроне листьев не очень радует – я не знаю, как хорошо лазают по деревьям эта тварь, но внизу оставаться хочется еще меньше. Ближайшие к камню деревья мной забракованы – листва недостаточно густа, и мы как на ладони. Мы крадемся дальше, ветки хлещут по нашим лицам, за шиворот осыпаются листья. И внезапно мы натываемся на очень хорошее с виду укрытие – природа позаботилась о нас, сама того не ведая.

Деревья перед нами растут кружком, и за долгое время разрослись так, что образовали нечто вроде надежного убежища, скрытого от посторонних глаз. Ветки переплелись, густая листва укрывает, будто отличный маскхалат, попасть в укрытие можно только с одной стороны – через узкий проход среди стволов. Его при необходимости можно закрыть срезаемыми ветками. Лучшего места в лесополосе не сыскать: снаружи мы будем незаметны, изнутри, прильнув к листве, можно наблюдать за тем, что происходит снаружи, а сквозь ветки зверек крупнее полевой мыши не пролезет – слишком узко.

Миша устало приваливается к дереву, кладет «ТТ» на колени. Дозиметр показывает, что все в порядке – можно стащить с головы опостылевший респиратор. Лес и здесь служит надежной защитой от радиоактивной пыли, судя по все-

му, очагов поблизости нет.

В укрытии тесно, деревья, образовавшие его, растут совсем рядом друг с другом, вдвоем мы еле уместились. Зато прохладный воздух приятен, обдувает, несет в себе безмятежность и покой. И сюда почти не долетает вонь.

– Хочу спросить, – после минутного молчания говорит Миша.

Я поднимаю голову – до этого разглядывал мыски своих грубых ботинок. Делаю жест, мол, продолжай, я слушаю.

Миша смотрит мне прямо в глаза:

– Что это за местность? Где мы?

Вопрос застаёт меня врасплох. Похоже, парень и правда не знает. Ага, значит, не местный.

– Волгодонск.

Название ни о чем не говорит Мише, и я пускаюсь в географические разъяснения. С огромным трудом удастся примерно объяснить. Парень ни черта не понимает в географии, да и глобус вряд ли видел, как и карту мира.

– А далеко от Москвы?

Ну, хорошо хоть Москву знает. А то я думал совсем недалекий.

– Больше тысячи километров.

Парень тихонько присвистывает. По-моему, он не до конца уяснил, сколько это на открытой местности, но главное понял – в настоящих условиях это очень много.

Я внимательно смотрю на него.

– Мой черед задавать вопросы. Я уже понял, что ты не местный. Откуда ты? И как здесь очутился.

В его глазах я вижу вновь вспыхнувшее недоверие, которое за последние часы мне почти удалось изгнать из головы парня.

– Если не хочешь, не отвечай. Мне, в общем-то, все равно. Миша явно борется с соблазном рассказать все начистоту. Он нервно кусает губы, ерошит волосы. Наконец, решается:

– Из Москвы.

Я киваю.

– А как же очутился здесь? По всему видно, что недавно. И зачем?

Эти вопросы Миша оставляет без ответа. Ну хорошо, слишком многого я хочу, надо подождать, потом сам все выложит, и просить особо не придется.

Я снова возвращаюсь в мыслях к лесу. Кроме шелеста листьев от слабого ветерка – ничего. Будто вымерло все вокруг. Это не сулит ничего хорошего. Значит, серьезная опасность, перед которой пасуют звери. Что же это за зверь такой, Кошмар, и с чем его едят? Ладно, будем сидеть в засаде и ждать, когда покажет это неведомое чудо-юдо. Чучельник уверял, что Кошмар часто «отирается возле этого камня».

В естественном убежище из стволов, веток и листьев я чувствую, как меня наполняет чувство покоя. Глаза слипаются, ветерок нашептывает приятные мысли о сне на природе, ласкает и успокаивает. Измотанный Миша засыпает быстро.

Но беспокоиться не о чем: зверь сюда незаметно не проникнет, радиации нет. К тому же, на всякий случай я натянул по периметру нашего временного укрытия веревку, на которую привесил несколько консервных банок, захваченных со свалки – если заденет кто, мы сразу услышим. Можно спокойно дрыхнуть.

Сон человека, практически ежедневно встречающегося лицом к лицу с опасностью, чуткий – годы тренировок в реальных условиях, тут поневоле научишься. Засыпаю я практически мгновенно, чуть только закрываю глаза. А ведь собирался быть начеку. И несутся пестрой круговертью сны, один сменяя другой – из тех, что при пробуждении напрочь вылетают из головы, оставляя после себя лишь туман, который не разогнать при всем желании.

Просыпаюсь внезапно. Сам не понимаю, почему. Прислушиваюсь к ночной тишине замершего леса – вроде бы без изменений. Но нет, вот какой-то звук. Напрягаю слух, принимая ближе к просветам в стене деревьев. Будто кто-то скребет по камню, тихонько так, еле слышно. Втягиваю носом воздух – к свежим запахам леса явно примешивается непонятная вонь.

Я расталкиваю Мишу, знаками показывая молчать и сидеть тихо, а сам осторожно высовываюсь из нашего укрытия. Всматриваюсь назад, откуда мы пришли, но ночная тьма не уступает мне, сопротивляется, размывает контуры. За каждым деревом чудятся жуткие страшилища, но я знаю, что это

воображение играет со мной. Легкий ветерок снова доносит тихий скребущий звук. Неприятный – от него бегут мурашки по коже.

Какое-то время я сомневаюсь, потом все же решаюсь пройти вперед несколько метров, прежде чем вернуться к Мише. Следуя сюда, мы оставляли зарубки ножом на стволах деревьев, так что с пути мне не сбиться. Я шагаю по прелой листве, осторожно переставляя ноги и стараясь поменьше шуршать, но мне кажется, что я произвожу столько шума в этой тишине, что даже тугой на ухо давно бы меня услышал. Вонь с каждым пройденным шагом все усиливается. Может, вернуться за Мишей? Все-таки в два раза больше глаз и ушей, к тому же, я оставил парня одного. Если на него нападут? Справится ли? С виду паренек выглядит уверенно, наверняка побывал в передрягах, не новичок. Но все равно беспокойно на душе.

Я всегда знал, что когда начинаешь в чем-то сомневаться, это здорово отвлекает. Вот и теперь неожиданно спотыкаюсь о какую-то корягу и теряю равновесие. Как назло, больно ударяюсь головой о землю, в глазах вспыхивают искры. Следопыт хренов! Уровень маскировки – самый высший, ага.

Проходит пара минут, прежде чем я прихожу в себя и, кряхтя, принимаю сидячее положение, используя как опору растущее рядом дерево. В этот момент луна выглядывает из-за облаков и освещает небольшую полянку передо мной с тем самым камнем. Оказывается, я свалился аккурат на гра-

нице поляны. Увиденное в лунном неверном свете заставляет биться мое сердце чаще: друг напротив друга стоят невообразимая тварь, по-видимому созданная больной фантазией какого-то ученого, и Миша. Откуда парень взялся здесь? Наверное, не послушался и шел за мной все это время. Кошмар скалит огромные зубы. Вспоминаю описания Чучельника – он явно был скуп на эпитеты в адрес этой твари. Ее уродливая голова подергивается, узкие глаза-щели неотрывно смотрят на Мишу, а язык словно пробует воздух на вкус. Неестественно выгнутая спина мутанта утыкана какими-то шипами или слишком жесткой щетиной, сквозь кожу проступают позвонки. Стоит Кошмар на двух ногах, протянув непривычно длинные руки-клешни к парню. Руки у него жилистые, узлы мышц перекатываются под синеватой кожей, длинные когти, будто зазубренные ножи, указывают на парня. Ноги же вывернуты, как у кузнечика – тварь присела, очевидно для броска. Приглядевшись внимательнее, я замечаю, что у мутанта две пасти, располагающиеся одна над другой. Жуткое зрелище. В дополнение, вонь почти невыносима, обжигает носоглотку и вызывает рвотные позывы.

Я поднимаюсь на ноги, заметно пошатываясь, явно не готовый к встрече с этой тварью. В этот момент Миша медленно, будто во сне, вытаскивает «ТТ». Секунды тянутся как жевательная резинка, и мне кажется, что паренек не успеет. Но он успевает, раздаются два выстрела в упор. Тело твари дергается, страшный рев сотрясает воздух, и тут же действие

срывается с места, словно заскучавшая по просторам лошадь в стойле, несется галопом, обгоняя сознание. Мой обрез изрыгает огонь, отдача относит меня, еще не до конца пришедшего в себя, назад. Кошмар прыгает, но мой выстрел застает его в полете, и он врзается в дерево. Сверху осыпаются листья и сухие ветки.

– Беги!!! – кричу я Мише, видя, как ворочается под деревом тварь, отряхиваясь от мусора. Пуленепробиваемая она что ли?

И Миша бежит. За ним, давая небольшую фору парню, устремляется Кошмар, одна его рука безжизненно болтается, задевая на ходу деревья, и этот факт позволяет Мише еще жить. Я бегу за ними, бегу так, как, наверное, никогда еще не бегал в этой жизни. В груди не хватает воздуха, легкие горят огнем. Приходится петлять между деревьями, следить за дорогой – в темноте легко споткнуться о корни и камни, коварно бросающиеся прямо под ноги. Несколько раз я теряю из виду беглецов, но нахожу их по шуму. Внезапно лес кончается, я вылетаю на свалку, останавливаюсь, хватая ртом воздух, и вижу, как Миша в пятнадцати шагах от меня вдруг проваливается под землю, а лапы Кошмара через мгновение хватают лишь воздух.

Со свистом рассекает воздух мой топорик и входит в затылок твари. Через мгновение и она скрывается с моих глаз. Преодолев последние метры, я понимаю, в чем дело. На дне ямы-ловушки, устроенной Чучельником для отлова мон-

стров в свою чудную коллекцию, барахтается Миша, придавленный неподвижной тушей Кошмара. «Надо же, в темноте при лунном свете не промахнулся», – удовлетворенно отмечая про себя я. Парень чертыхается и силится вылезти из-под твари, но ему это не удастся. Из раны на голове Кошмара вытекает густая черная маслянистая кровь, заливающая лицо Миши. Я усмехаюсь и сажусь на край ямы, наблюдая за возней внизу. Напряжение последних мгновений отступает, теряется в мутной ночи, я почти физически чувствую, как оно выходит из меня.

Я спрыгиваю на негнущихся ногах на сырой пол ямы, легкие отзываются приступом боли. А раньше такая пробежка не отняла бы у меня столько сил. Старею. Общими усилиями мы отбрасываем тело Кошмара, и я помогаю парню подняться. Он не выглядит сильно испуганным, держится за бок. Спрашиваю:

– Ранен?

Миша машет рукой, мол, все в порядке. На лице его тут же появляется гримаса боли.

– Если больно, радуйся, значит, еще жив. Вряд ли мертвые испытывают боль.

Рана оказывается неглубокой – коготь твари проткнул бок парню.

– Вернемся к Чучельнику, залатаем.

Сказав это, я озадаченно смотрю вверх. Хм, когда вернемся... Когда спрыгивал на помощь Мише, я как-то не поду-

мал о том, как же буду отсюда выбираться. Приваливаюсь к сырой стенке и смотрю на небо. Луна насмехается над нами, показывая язык. Ладно, сперва надо отдышаться – очень уж много сил отняла эта пробежка по лесу, – а потом подумаем, что делать. Можно посадить Мишу, подбросить, чтобы он ухватился за край ямы. Задача мне вполне по силам. Или в сырой податливой земле выкопать ямки, чтобы, цепляясь за них, попробовать выкарабкаться.

Я смотрю на парня, в свете луны его лицо кажется бледнее, чем обычно. Впрочем, дети подземелий традиционно не могут похвастаться загаром. Мне хочется его приободрить.

– Славно поохотились. Шустрая тварюга оказалась.

Миша переводит взгляд на меня, и тут его накрывает. Парню очень хочется выговориться – так часто бывает, когда только что находился на волоске от смерти. Слова льются, он путается, сбивается, но то, что я слышу, меня поражает.

Про юг зеленой ветки Московского метро я кое-что знал – караванщики рассказывали. А вот остальное... Миша поведал мне невероятную историю с дирижаблем, на котором группа смельчаков отправилась в Калугу, откуда они получили радиосигнал. Как, гонимые ветром, они попали в магнитную бурю и после почти целого дня мотания в воздухе рухнули в лесу⁶. Как потеряли двоих, старика и молодого парня, которые умерли от лихорадки. Как, в итоге, они со старшим товарищем угодили в ловушку Чучельника и оказались

⁶ См. роман «Метро 2033: Рожденные ползать» (Москва: АСТ, 2014).

пленниками.

Дирижабль, черт возьми! Еще совсем недавно, расскажи мне кто нечто подобное, ни в жисть бы не поверил. А приходит на ум рассказ одного мужчины, который, якобы, видел, как некий овальный объект упал недалеко в лесу. Ему тогда тоже никто не верил, мол, мало ли что привидится в ночи. Но теперь, сопоставив слова мужчины и слова Миши, поневоле задумаешься: не в том ли лесу, где мы отлавливали Кошмара, они упали?

– А долго от свалки до места падения?

Парень мотает головой:

– Не очень.

Какое-то время он молчит, а потом добавляет:

– Нам бы дирижабль починить и до Калуги попробовать добраться. Говорят, они там в беде большой. Но у нас даже инструментов нет, и баллонов с газом – запасные мы по дороге скинули, иначе разбились бы. Так что толку от него больше нет.

– Я знаю, куда вам надо идти. Есть тут недалеко одна община, они могут помочь. У них серьезные возможности: на бывшем заводе «Атоммаш» обитают. Я провожу, тем более, сам хотел туда заглянуть.

– А Чучельник отпустит Данилова?

– Куда же он денется. Мы свою часть уговора выполнили, и он выполнит. Слово свое он сдержит, ты на этот счет не волнуйся даже. И пикнуть против не посмеет. Вообще, он

человек нормальный. Со странностями, это да, ну а у кого их нет?

– А зачем мы ему нужны были? Тоже для коллекции? – от этой догадки глаза Миши расширяются.

– Не, за ним такого не замечал. Нормальные люди ему неинтересны. Скорее всего, выгоду какую-то хотел поймать. Может, продать кому?

За разговорами проходит немало времени, небо начинает потихоньку светлеть. Миша беспокойно смотрит вверх. Я перехватываю его взгляд и понимаю опасения – это я привык разъезжать по поверхности и днем, и ночью, а паренек явно не привык к дневному свету, это может быть опасно для его глаз.

– Надо выбираться.

Я встаю и ковыряю пальцем стену – земля податлива. Тепло Кошмара, скорее всего, придется оставить здесь. Потом вернемся с подручными средствами, чтобы достать тушку со дна ловушки. «Хорошо хоть Чучельник кольями дно не утыкал, – думаю я, – а то доставал бы из ямы три трупа вместо одного».

И только я достаю нож, чтобы начать вырезать ступеньки, как над нами вырастает фигура хозяина ловушки. Она заслоняет свет луны, но по сгорбленной, непропорционально сложенной фигуре я его сразу же узнаю. Чучельник сдвигается вбок, позволяя луне снова осветить яму-ловушку. Крючковые пальцы перебирают манжеты одеяния, лицо подерги-

вається, словно в него плеснули чем-то неприятным, на глаза – привычное пенсне, сквозь которое Чучельник разглядывает гостей. Наконец, он понимает, кто угодил в ловушку, и губы растягиваются в кривоватой улыбке.

– Гляди-ка, – задумчиво говорит долгоязыый хозяин свалки. Приглаживает рукой свои длинные сальные волосы, упавшие ему на глаза, смотрит на тушу Кошмара и изрекает очередную гениальную во всех смыслах фразу: – Ишь ты...

– Выбраться не поможете? – Миша застывает в надежде услышать положительный ответ.

– Попал, – радостно лепечет Чучельник, тыкая пальцем в Кошмара, лежащего на дне. Затем обдумывает слова парня и молвит: – Помогу. Отчего бы не помочь. Только сгоняю за веревками и лестницей.

– Желательно побыстрее, а то здесь воняет как от протухшей жабы. В сортире и то лучше запах! – как и я, респиратор Миша потерял на бегу парой часов ранее, и теперь затыкает нос рукавом, что не сильно помогает.

– Воняет? – Чучельник водит носом, но, кажется, ничего не замечает.

– Еще как! Даже вонь свалки перебивает.

Чучельник хмурится.

– Я бы попросил, молодой человек! Это не свалка, а частная собственность. А по законам военного времени за излишнее проявление интереса к чужой частной собственности можно и расстрелять до выяснения обстоятельств. Во из-

бежание эксцессов, – долговязый явно горд, что так красиво завернул.

– Но-но, расстрелять. Тихо ты. Сто раз уже говорили, что мы в твою собственность не лезли, и намерений у нас таких не было. Вот сейчас как проделаю парочку дырок в твоей голове, – Миша наводит на Чучельника «ТТ».

Тот улыбается, показывая кривые гнилые зубы.

– А вызволять вас отсюда кто тогда будет? Так и подохнете здесь от голода и жажды. Может, подольше протянете, если жрать друг друга будете. Сначала вон того, – палец Чучельника показывает на Кошмара, – а потом по принципу, кто сильнее.

– Ладно, хватит дурыю маяться, – я обрываю перепалку на самом интересном месте. – Уже неважно, почему они здесь оказались. У нас с тобой уговор: я тебе Кошмара, а ты отпускаешь своих пленников. Кошмар, вот он, валяется. Ферштейн?

Чучельник чуть ли не с сожалением кивает и исчезает. Через несколько минут он появляется снова с лестницей в руках и мотком вполне добротной бечевки. Скидывает ее нам, мы обвязываем тушу Кошмара, затем по лестнице карабкаемся наверх. И уже вдвоем вытягиваем следом мертвого мутанта.

Я с подозрением смотрю на дымящиеся кружки с «чаем», поставленные перед нами на низенький стол. Мы сидим в самой большой комнате: я, Миша, Данилов и Чучельник. Поодаль, забившись в угол, затаилась дикарка-дочь, зыряка на гостей огромными глазами. Ранее мы условились с Мишей, что при хозяине свалки не будем поднимать тему дирижабля. Слава богу, туша Кошмара лежит в самой дальней комнате, хотя Чучельник хотел притащить ее сюда, чтобы лучше рассмотреть. Пришлось чуть ли не за руку его удерживать. Но вонь долетает даже сюда, для нее и земляные стены не преграда. Будь моя воля, я бы оставил мута в той самой ямке, а сверху засыпал землей с горкой. Мне кажется, я уже никогда не смогу забыть этот запах: тошнотворно-сладкий, едкий, режущий глаза и вызывающий спазмы в желудке.

Лезвие своего топора я уже раз десять вытер тряпкой, смоченной в спирте, чем вызвал недовольство Чучельника, мол, зря перевожу продукт, предназначенный для медицинских целей. Но хозяин свалки пребывает в хорошем расположении духа. Еще бы, такой улов. Самому-то ему с этим мутантом было не справиться, а в ловушки тварина не попадалась.

– Нет, но какие у него лапы, видели?! Одни мышцы! А когти лучше любых ножей! Он без сомнения станет жемчужиной моей коллекции! – восклицает Чучельник.

Миша при упоминании о когтях морщится и прикасается к раненому боку, который я перевязал более-менее чистыми тряпками. Рана неглубокая и доставляет при передвижении лишь небольшой дискомфорт. Неудивительно, что Миша наотрез отказался задержаться здесь, на свалке, даже на пару дней. Ему не терпится оказаться среди нормальных людей. Данилов тоже не возражает, лишь озабоченно о чем-то пошептался с Мишей. В итоге решено выдвигаться через несколько часов, сразу как стемнеет – москвичи на солнце все равно что слепые кутята.

К сомнительному «чаю» из нас троих так никто и не при-трагивается. Он медленно стынет, пока дикарка, наконец, не убирает чашки со стола, недовольно цыкая. Напоследок ее взгляд задерживается на Мише, и девица вдруг краснеет, отводя глаза. Даже постыдаерному ежу понятно, что парень ей понравился. Но тут уж, понятно, без вариантов. Даже если не брать в расчет явные проблемы с головой, для начала с крали нужно как-то отскрести толстый слой грязи, да повадки животные куда подальше засунуть.

– Куда вы теперь? – спрашивает Чучельник.

– К атоммашевцам, – отвечаю я.

– Угу. Слушай, ты заезжай на следующей неделе. Еще одно дело будет к тебе.

– Если жив буду, – киваю я.

Чучельник с дочерью провожают нас до порога и еще долго смотрят нам вслед.

Глава 5

«Атоммаш»

Промзона и территория завода

Дорога петляет под колесами по поросшей высокой травой степи. Мне приходится ехать очень медленно, то и дело останавливаясь: Мишу, памятуя о его ране, я посадил на байк, – пришлось впервые в жизни пренебречь своим правилом, – но Данилов вынужден идти пешком. Луна скрылась в низких облаках, поэтому очертания «Атоммаша» и промзоны проступают только тогда, когда мы уже совсем рядом. Переваливаем через поросшие сорной травой железнодорожные пути – раньше они вели к станции Заводской, обслуживающей промзону и сам «Атоммаш», – минуем полуразрушенные строения и склады. Промзона выглядит заброшенной, все, что можно было отсюда утащить, давно унесли. В стенах зданий зияют дыры, на узких дорогах по обочинам догнивают каркасы автомобилей, сквозь бетонные ограждения тут и там пробивается растительность, гигантские вьюны густо оплетают бывшие заводы. Понятно, почему люди укрылись на территории «Атоммаша», обчистив прилегающие к нему территории и забросив их – держать под контролем такие обширные пространства им просто не под силу. Иногда встречаются дикие собаки, провожающие нас злоб-

ными взглядами, но они не решаются подойти поближе – видимо, отпугивает глухо рычащий мотор байка. Не чета местные барбосы волколакам, те не раз пытались атаковать меня даже на большей скорости. Мы неторопливо выбираемся из промзоны, и нашим глазам предстают огромные корпуса «Атоммаша», от их размеров захватывает дух. Над заводом с криками носятся какие-то птицы, но они пока не представляют для нас опасность. Слева неприветливое черное небо царапают сохранившиеся трубы ТЭЦ, только они уже не дымят, как раньше, а лишь молча взирают на окружающих. Если приглядеться, при свете иногда выглядывающей из-за облаков луны на самой высокой из них можно заметить гнездо. Ясно, поблизости лучше не рыскать – есть риск нарваться на негостеприимный прием.

Движемся по дороге из потрескавшихся плит, поросших бурьяном, со скоростью черепахи, и меня это жутко бесит – мы сейчас просто отличные мишени. Время от времени я включаю фонарь, чтобы понять, что мы на верном пути. Ныряем под арку теплосетей, с труб которой бахромой свисает почерневшая стекловата. Прямо по курсу вдруг вырастет не очень высокий забор из каменных плит, сверху густо опутанный колючей проволокой. Я заглушаю движок и вслушиваюсь в тишину. Очевидно, нас заметили – по периметру вдоль забора замечаю вышки, только наблюдатели пока старательно прячутся, оценивают нас, видимо планируют, что с нами делать. Лучше не делать неосторожных движений –

понятно, что мы на мушке.

– Не дергайтесь, – на всякий случай предупреждаю я своих спутников, хотя это и излишне, они все прекрасно понимают и сами.

Я слезаю с байка размять ноги – пока ничего не остается, кроме как выжидать. В десяти шагах от нас – серые металлические ворота. Ими явно пользуются, хотя и нечасто – или, во всяком случае, за их состоянием следят. Мы идем на определенный риск – наверняка не знаешь, что там за хозяева внутри, как отнесутся к чужакам. Не лучше ли нас пристрелить, а имущество забрать себе? Но я не слышал от других общин ничего особо плохого про атоммашевцев, кроме того, что община закрытая, всякое отребье в свои ряды не принимают. Возможно, мне найдется там работа, иначе я бы десять раз подумал, сопровождать ли сюда Ивана и Мишу. Время сейчас такое – каждый ищет прежде всего личную выгоду.

Минуты струятся, как сухой песок сквозь сжатые ладони – медленно, по крупице. Душно, последние августовские ночи несут степной зной, бандана на голове влажная от пота. Я смотрю на Данилова и Мишу, они стоят рядом, разглядывая окрестности и временами бросая опасливые взоры на небо. Я бы, конечно, предпочел путешествовать днем, но что поделаешь с этими детьми подземелий? Непривычны они к дневному свету.

Вдруг ворота, протяжно гудя, начинают открываться. На-

конец-то! Я уж думал, и ночевать здесь останемся. Охранники на вышках определенно взяли нас на мушку, поэтому я демонстрирую пустые ладони, показывая, что никаких неожиданностей для атоммашевцев не заготовил.

Когда ворота отъезжают в сторону, я вижу, что напротив нас стоят трое. В руках «калаши», пусть и не направленные явно на нас, но вскинуть ствол и выстрелить займет у них долю секунды, а ведь есть еще вышки. Глухой голос из респиратора стоящего посередине мужчины заставляет обратить на него внимание:

– Кто такие? Зачем здесь?

– Дело есть. Веди нас к своему начальству, – бурчу я в ответ.

Сколько же подобных диалогов уже случилось за мою жизнь! Ничего не меняется: всем интересно, кто же я такой и какая у меня цель.

Мужчина пытливо оглядывает нас.

– Оружие придется сдать.

Я киваю – без этого нас просто не пустят внутрь. Вытаскиваю из-за пояса обрез и «ТТ», добавляю к ним топор и протягиваю подошедшему ближе охраннику, затем извлекаю из голенища нож, и он следует по тому же маршруту. Данилов с Мишей также сдают оружие, которое Чучельник им благополучно вернул.

– Следуйте за мной.

На ближайшей к нам вышке вдруг вспыхивает прожектор,

заставляя резко зажмуриться. На кой черт? Теперь мы как на ладони, лучше обойтись без резких движений. Мы входим на территорию завода «Атоммаш». Байк я оставляю сразу за воротами, похлопав его по стальному боку и пообещав надолго не бросать. Свет теперь бьет нам в спину, можно спокойно осмотреться, не жмурясь. Что я и делаю.

– Как-то у вас здесь уныло, ребята.

На земле тут и там разбросаны гнутые железки, останки транспорта, из земли торчат ржавые воздуховоды. Я знаю, что здесь, на территории, под землей есть бомбоубежище. Наверняка община обосновалась там и в подвальных помещениях корпусов. Пытаюсь запомнить дорогу на случай возможного отхода.

Мы минуем третий корпус, у стен которого один из сопровождающих перекидывается парой слов с другой группой охранников, следуем дальше к первому корпусу. Рядом на железнодорожных путях стоят ржавые товарняки, цистерны с облезшей краской. Пути подводят к многочисленным воротам в стене корпуса, сейчас закрытым. Насколько я помню, первый корпус был самым большим. Кажется, что грязная серо-голубая стена завода нескончаемая, мне уже порядком надоела эта пешая прогулка. Я нетерпеливо обращаюсь к охраннику:

– Далеко еще?

Тот смотрит на меня задумчивым взглядом и отвечает не сразу:

– Ты куда-то торопишься?

Я хмыкаю и сдерживаюсь, чтобы не вклепить смачный подзатыльник этому слишком уверенно себя чувствующему типу.

Вскоре мы добираемся до угла корпуса и сворачиваем направо. Слева тянется небольшая мрачноватая рощица разросшихся хвойных деревьев. Подходим к административному зданию, перед которым я вижу очертания памятника. Смотри-ка, еще сохранился бюст Курчатову – одному из тех, кто, поневоле, благодаря своей гениальности, причастен к тому, что мир скатился в ад. На миг один из фонариков сопровождающих нас людей выхватывает монумент. Мне даже кажется, что глаза великого физика смотрят осуждающе, будто он хочет сказать, что он потратил столько сил не для того, чтобы мы в один момент воспользовались всеми накопленными достижениями во вред человечеству. На верхних этажах администрации уже давно отсутствуют стекла в окнах, здание не выглядит жилым, но мы направляемся именно к нему. Тут я замечаю, что первый этаж серьезно укреплен – вместо стекол в окнах – жестяные листы с вырезанными кое-где бойницами, у входа – два блокпоста за рядами мешков с песком, ошметинившиеся пулеметами. Серьезная защита, неплохо ребята здесь окопались!

У блокпостов случается еще одна задержка: один из наших сопровождающих долго беседует с охраной, даже тихо спорят о чем-то. Затем он оборачивается и машет нам рукой.

Внутри также есть блокпост – недалеко от входа, да и проскочить незаметно через узкий КПП никак не получится. Мы остаемся здесь, под дулами автоматов постовых, а наш охранник уходит, очевидно, докладывать начальству о нас.

В бомбоубежище под «Атоммашем»

Мужчина лет пятидесяти, с шикарными усами и абсолютно лысой головой внимательно смотрит на нас. Он покачивается в стареньком, противно поскрипывающем кресле. Отчего-то я сразу вспоминаю дверь в кабинет Веденеева и тот жуткий звук несмазанных петель. Эх, не увидеть тебе твои документы, Андрей Палыч! Застрял я в своем городе, и похоже, что навсегда.

Мы стоим перед длинным столом, за спиной – охрана, и я чувствую, что дула автоматов направлены прямо нам в спины. Меры предосторожности, мать их. Это вам не бардак все у того же Веденеева.

– Кто такие? – я слегка улыбаюсь. Прямо дежавю, надо начинать заново выстраивать отношения. Что ж, у меня нет причины скрывать, кто я и откуда прибыл. И я выкладываю начистоту, что в городе оказался впервые спустя двадцать лет, потому и не знаю еще существующих здесь порядков. Мимолетом упоминаю Аксиныю, и при этих словах усач отчего-то хмурится, досадливо отмахиваясь.

Затем настает черед Данилова, и глаза у мужчины за столом буквально лезут на лоб, когда он слышит про историю с дирижаблем. Разговор сразу приобретает деловой характер, все стороны хотят получить выгоду из существующего положения вещей.

– В суматохе забыл представиться, – усач потирает руки – словно две наждачные бумаги встретились после долгой разлуки. – Григорий Викторович. Степаненко, – добавляет он, подумав. – Глава атоммашевской общины. Да вы не стойте, присаживайтесь.

Он кивает на разнокалиберные стулья, а сам встает с кресла и подходит к шкафу у стены, достает оттуда четыре стакана, а откуда-то из-под стола – бутылку с жидкостью темно-янтарного цвета.

– «Чивас Ригал», – произносит Степаненко, явно гордясь собой. – Осталась бутылочка из запасов, сто лет, наверное, такое не пили?

Вижу, мужик чувствует для себя выгоду. Не зря же он так заинтересовался рассказом про дирижабль.

– Ну, а сильно поврежден? – как бы между прочим спрашивает атоммашевец Данилова.

– Обшивка – здорово, но это поправимо, если ресурсы есть, – отвечает тот. – И один двигатель, хотя подробностей сказать не могу – не копался еще в нем. Плюс потерян весь запас гелия.

– Гелий – не проблема. А ты пилот?

Данилов кивает.

– Отлично, отлично. Ну, будем!

Глоток виски с непривычки обжигает горло. Я морщусь, хотя вкус несравнимо лучше суррогата в московской подземке. Иной раз такую бражку бодяжат, что люди с нее сразу копыта двигают. Здесь же чувствуется букет, настоящий, с привкусом фруктов, специй и карамели. По телу разливается тепло.

Миша осторожно пробует и отодвигает стакан – парню, рожденному под землей, неведома прошлая жизнь с ее вкусами и удовольствиями.

– Разумеется, – продолжает Степаненко, – услуга за услугу. Нам бы очень не помешала ваша помощь, если мы почи-ним дирижабль, – говорит и внимательно смотрит на Данилова: как тот поведет себя, проскользнет ли эмоция? Но лицо Ивана непроницаемо.

– Какая помощь?

Степаненко плещет в пустые стаканы еще на палец. Не спеша достает самокрутку, предлагает нам, мы отказываемся, и он затягивается в одиночестве.

– Людей перебросить через залив. Сколько там человек вмещает твоя машинка?

На первое время с переговорами покончено. Находится и для меня работа – отвезти пару деталей, которые будут готовы завтра, в другую общину. Сложность в том, что добираться

ся надо до АТС, а по словам Степаненко, возле памятника «Мирный Атом» на кольце не так давно обосновалось нечто странное – то ли сильный ментал, то ли какая-то аномалия. Еще не изучили явление как следует. Если же окружным путем – то через жилые кварталы и намного дольше, да и рисков там не меньше – в городе полно мутантов развелось, и банды на улицах промышляют, можно на засаду нарваться. Поэтому во всех отношениях по широкому проспекту Курчатова следовать лучше. На что я ему отвечаю:

– Меня не пугают ни мутанты, ни банды, ни аномалии. Я их уже столько повидал, что иммунитет выработался. А жить вечно невозможно, поэтому справлюсь как-нибудь. А не справлюсь, значит, не судьба.

Григорий Викторович любезно предоставляет нам возможность разместиться у них. Из административного здания можно сразу попасть в бомбоубежище, сооруженное еще при строительстве завода-гиганта. Свободных помещений там много, я так понимаю, община атоммашевцев не особо многочисленна, зато прекрасно вооружена – ранее недалеко отсюда располагалась войсковая часть. Нам выделяют комнату, одну на троих, но вполне комфортную для проживания.

Когда мы остаемся одни, я спрашиваю Данилова:

– А ты не чувствуешь подвоха во всей этой ситуации? Не заметил, как переменилось у него настроение, чуть только про дирижабль узнал?

– А у нас есть выбор? Сами не починим, а застрять здесь совсем не хочется.

Я усмехаюсь:

– Что, так сильно тянет обратно в столицу нашей родины?

– Сначала в Калугу, – встревает в разговор Миша. – Мы должны выполнить задание до конца. Иначе зря столько людей погибло.

– Ну, хорошо, посмотрим, как дальше будет.

– Слушай, – обращается ко мне Данилов, – а как тебя звать-то? Так и не знаем до сих пор.

– Зовите меня Ямахой, – и, на удивленный немой вопрос в глазах Ивана, поясняю: – Мое прошлое умерло. И старое имя – вместе с ним.

* * *

Бомбоубежище под «Атоммашем» вполне приличное и достаточно большое. Оно состоит из жилых отсеков, генераторной, комнат с баками для воды, складских помещений и вентшахт. Производственные мощности атоммашевцев явно находятся в другом месте – скорее всего, либо где-то в цехах, либо в подвальных помещениях корпусов завода. Народ живет в комнатах наподобие нашей, а также в главном жилом отсеке, разделенном на отдельные помещения при помощи подручных материалов. Пожилых людей, как и детей, в убежище мало. Или дело в позднем вечере? Бросается в глаза и

большое количество мужчин в серой униформе, чем-то напоминающей «фирменный» стиль бойцов Ганзы – подтянутых, спортивного телосложения. Явно что-то вроде местной касты полицейских или военных, из них и набирается охрана на дежурства по периметру. Впрочем, это объясняется необходимостью держать под контролем огромную территорию.

Чтобы не сидеть без дела, я прохаживаюсь по бомбоубежищу. Меня, как чужака, сторонятся, видно, гости здесь не в особом почете. На глаза попадает старик, приторговывающий какими-то амулетами – понятно, что доживает свой век и на серьезную работу уже не пригоден, вот и крутится, как может. От нечего делать я задерживаюсь возле его нехитрых поделок, разложенных на доске. Старик беспокойно смотрит на меня, ерзает на месте. Вот и он туда же! Даром, что потенциальный клиент нарисовался, так все равно трусит перед чужим. Я нарочно медлю, рассматривая смешные амулеты, подцепляю пальцем один из них, выуживая из спутанного клубка других таких же. На веревке болтается то ли зуб какого-то животного, то ли просто грубая подделка из кости, напоминающая клык.

– Чего это?

– А то сам не видишь. Коготь Кошмара.

Я ухмыляюсь. Как же, видел, и совсем недавно. Как говорится, ничего общего.

– Маленький какой-то Кошмарик. Новорожденный, что ли?

– Знаешь что! Шел бы ты, умник... – начинает торговец, но я останавливаю готовый сорваться с его уст поток брани поднятой ладонью. Достая из кармана три патрона и швыряю старику.

– На, держи. И в следующий раз легенду получше придумай.

Медленно иду дальше.

– С-стой! – заикаясь, кричит в спину старик. – Амулет забыл!

– Оставь себе, у меня своих амулетов полно, – бросаю я через плечо и удаляюсь.

Мы сидим в комнате и тихо беседуем. День принес нам немало впечатлений, и кажется, что с охоты на Кошмара прошла минимум неделя.

– Как бок? – я киваю на рану, которую в местном медпункте как следует промыли, зашили и перевязали.

– Нормально, уже почти не беспокоит.

– Что ж, тогда, думаю, пора на боковую, ночь уже, – я с удовольствием вытягиваю ноги на грязном матрасе и широко зеваю. – Все-таки сутки не спали, а силы нам нужны. Да и народ местный уже улегся, слышите, как тихо?

Не успев договорить, я слышу шорох в коридоре. Спустя несколько секунд в приотворенную дверь заглядывает тот самый старик, который торговал амулетами.

– Не с-спите?

Оказывается, тщедушный коммерсант нарисовался, чтобы поблагодарить меня.

– Ни к чему это, – отвечаю я ему, но он продолжает бормотать извинения за грубость и рассыпаться в благодарностях.

В итоге, мы приглашаем его в комнату.

– Чайку бы, – бормочет Данилов, и обрадовавшийся старик тут же кивает и достает из вещмешка на спине термос, затем исчезает на пару минут и снова появляется с жестяными кружками.

Чай пахнет бесподобно. Аромат мяты и бергамота разносится по комнате, травит душу, щекочет ноздри. Настоящий чай!

– Ну, расскажи нам, старче, как вы здесь поживаете, раз уж все равно сон наш нарушил.

Из рассказа старика мы начинаем примерно представлять ситуацию в Волгодонске. Новый город разбит на общины, практически не поддерживающие связь друг с другом и не пересекающиеся интересами. Больше всех повезло «Атоммашу» – на его территории находилось огромное бомбоубежище, да и производство какое-никакое удалось наладить, благо возможности завода позволяют. В Красном Яру возле залива теперь казачья ставка с атаманом – в свое время часть народа, не согласная с политикой атоммашевцев, ушла туда и основала Казачью Вольницу. Со старым городом отношения очень напряженные, но залив является естественным

препятствием между ними, а мост давно разрушен. Именно этот факт удерживает от полномасштабной войны. Тем не менее, это не мешает худо-бедно торговать друг с другом. Атоммашевцы поставляют запчасти, инструменты, какое-то оружие и боеприпасы, а взамен получают продовольствие – в бывших садоводствах и базах отдыха, раскинувшихся вдоль берега Дона, жители старого города разводят животинку, выращивают овощи и фрукты. Старый город гордо именуется Республикой, и он менее разобщен, а в наследство им достались и городской порт, и яхт-клуб, так что в средствах передвижения по воде республиканцы не испытывают недостатка. Зато технологически они менее развиты, вот и приходится детали для моторных лодок и катеров периодически заказывать атоммашевцам.

Цимлянская ГЭС разрушена – во время войны по ней нанесли удар, и что там, в Цимлянске, теперь – неизвестно. Хотя некоторые утверждают, что встречались с цимлянами, а значит, жизнь в соседнем городке тоже есть. Что касается Волгодонской АЭС, вряд ли она уцелела. Старик говорит, что по ней нанесли точечный удар – скорее всего тактическими ракетами с натовских кораблей, базировавшихся в Черном море. Почему именно тактическими? Да просто корпус атомной станции разрушен, а реактор уцелел. Будь по-другому, и город на сто процентов не выжил бы. Но туда не сунуться, не проверить – мутантов развелось выше крыши, так что какие-то утечки, скорее всего, были.

А еще есть степные, которые совершают налеты и на старый, и на новый город. Люди еще называют их вырожденками, потому как те, якобы, уже утратили все человеческое и только внешне похожи на обычных людей. У них на пути лучше не становиться – степные отличаются особой жестокостью. Наверняка неизвестно, где они обитают, но появиться могут, где угодно, и постоянно совершают набеги то на старую часть города, то на новую. Казачья Вольница также страдает от набегов вырожденков.

А дальше старик рассказывает такое, что впечатляет даже меня, хоть и пахнет вымыслом или больной фантазией.

– Но главная беда для всех выживших приходит с Цимлянского моря. С-слышали вы когда-нибудь о Саркеле? Не о п-поселке на берегу, а о том, настоящем, что был затоплен и теперь на дне рукотворного моря?

Я неопределенно киваю. Что-то смутно крутится в голове, но точно вспомнить уже не могу.

– Во время советской власти при строительстве Цимлянского водохранилища было решено затопить с-старый Саркел, так как он не укладывался в масштабные п-планы руководства страны и находился как раз на том месте, где должно было появиться море. – Старик отхлебывает из кружки остывший уже чай и продолжает: – Это ж надо додуматься, уничтожить д-древнюю хазарскую крепость! Вот так однажды и стал Саркел Донской Атлантидой. И все бы ничего, но несколько лет назад вдруг с-словно кто-то окончательно

проклял наш город. И теперь в самую безлунную ночь внезапно загорается маяк недалеко от Волгодонского порта и светит нереальным, призрачным, потусторонним светом. И поднимается тогда со дна затонувшая крепость, полуразрушенная, мертвая и мрачная. И ползут на город оттуда всякие жуткие твари, и накрывает город волна смрада, ужаса и смерти. Лучший выход – спрятаться к-как можно дальше, забиться в угол и сидеть тихо. Слава богу, происходит это не каждую ночь, но все чаще и чаще.

– Ну ты, старик, мастер сказки рассказывать, – Данилов улыбается, глядя на гостя.

– Не сказки это, – сердито отвечает старик. – Не верите – спросите у народа, у нас Саркел многие видели. Говорят, только от одного этого жуткого неестественного света уже свихнуться можно.

– А чего же маяк не порушили тогда, если на его свет монстры прут? – интересуется Миша. – Взорвали бы его, да и дело с концом.

– Жить хочется, – подумав, говорит старик, – кто пожелает смертником быть? Каждый и надеется, что в этот раз смерть мимо пройдет, не заметит.

– Лучше смириться? Пока все не вымрете?

– Мал ты еще, юноша. Есть вещи, которые не под силу смертным. Хотя кое-кто считает, что свет маяка можно потушить, но для этого надо разбить фонарь на его верхней башне кирпичом или камнем из стены той самой хазарской

крепости.

– А для этого надо оказаться в Саркеле, когда он поднимется из воды. Мало того, что доплыть до него, так еще и как-то выковырять камешек из стены, – подытоживает все сказанное Данилов. – Понятно, что желающих не нашлось.

– Не совсем так. Теоретически до Саркела можно и не плыть. Перед тем, как крепость канула в небытие, к-кирпичи активно растаскивало местное население для своих построек, так что камни хазарской крепости можно найти и в городе. Но в-все равно, добраться до маяка – гиблое дело...

– Ладно, – вдруг спохватившись, подскакивает старик, – не буду отнимать больше у вас время, и так задержался неприлично долго. П-пойду я. Спокойной ночи.

– И тебе не хворать, – Данилов отворачивается к стенке, бурча что-то вроде «какой уж тут покой после таких рассказов...»

Глава 6

Новый город

Проспект Курчатова, новый город

Наутро Степаненко дает мне последние разъяснения, кому и куда доставить сверток, завернутый в промасленную бумагу.

– Ты смотри, они там немного странные, но люди вроде бы порядочные. Так что на заскоки внимания не обращай, просто отдай сверток, и все.

Я киваю.

– Да, и с аномалией на «Мирном Атоме» осторожнее, непонятно, что там вообще поселилось, зря не рискуй.

Мой байк перекочевал в небольшую пристройку у административного здания. Дверь со скрипом уходит вверх, я захожу в небольшое помещение и пытливо осматриваю своего старого верного друга.

– Ну что, прокатимся?

Я мчусь по проспекту Курчатова навстречу кошмару. Позади раскинулись корпуса «Атоммаша», впереди распростер объятия родной город. Он стремительно приближается – мертвый, разрушенный, как и весь мир. Осознавать это невыносимо. Сердце сжимается при виде осыпающихся до-

мов, тронутых плесенью стен и гниющих автомобилей. Что же тянет меня каждый раз на заброшенные улицы Волгодонска? Это похоже на самобичевание. Мне кажется, Аксинья специально загнала меня сюда, заточила, а теперь наблюдает за мной, веселится, глядя на мои мучения. У искореженного здания техникума приходится замедлиться – прямо посреди проспекта развернуло «КамАЗ», на его ржавом боку отчетливо виднеются глубокие борозды. Того, кто их оставил, лучше обходить, – а еще лучше объезжать – за километр. В осколках стекол, кое-где еще оставшихся в окнах техникума, сверкает солнце, периодически показывающееся из-за низких серых туч. Духота давит, остатки асфальтовой дороги исходят паром. Я кидаю беспокойный взгляд на дозиметр – фон слегка завышен, но волноваться не стоит. Петляю между брошенных автомобилей, минуя ряд обшарпанных жилых домов и здание банка, опутанное бурыми колючими ветками растений.

За вычищенным до голого пола гипермаркетом, построенным некогда на месте долгостроя Горкома, открывается площадь Курчатова. Ее фонтаны давно пересохли, от них остались одни кривые ржавые трубки. Прямо в центре площади, перед зданием типового совкового Дворца культуры имени Курчатова, резвятся одичалые шавки. Повизгивают, отнимают друг у друга какой-то сомнительного вида комок, спутанный и грязный. При звуках мотора собаки поднимают морды, но тут же отводят взгляд – я им не по зубам, и они, к их

же счастьем, это очень быстро понимают.

Дворец культуры выглядит мрачно: облицовочная плитка облетела, в стенах, там, где были высокие стекла, теперь огромные чернеющие провалы, гнутые фонарные столбы без плафонов – словно трезубцы, воткнутые в землю. И веет от Дворца чем-то нехорошим. Смутное чувство тревоги закрадывается внутрь, и я понимаю: близко лучше не подходить. Но в просветах между ДК и жилыми домами вдруг сверкают золотые купола храма Рождества Христова. Зрелище настолько красивое, что я останавливаю байк и приглушаю двигатель, чтобы насладиться увиденным. Отсюда храм кажется абсолютно целым – белокаменные стены и купола, заблиставшие в выглянувшем солнце, возносятся ввысь. Здание частично укрыто от глаз деревьями парка «Молодежный», ранее именуемого в простонародье «полем дураков», потому что ничего путного на территории будущего парка так и не построили. Зато позже часть парка отдали под храм, и пустырь, наконец, засиял новыми красками.

Трогаюсь. Байк медленно движется дальше. Вот и дорожное кольцо развязки с памятником «Мирный Атом», по словам Степаненко – опасное место с аномалией. Здесь надо быть осторожнее. На первый взгляд, ничего опасного не бросается в глаза, но шестое чувство вопит, предостерегает. Памятник – один из главных символов города. Этакая скульптура, которая представляет собой орбиты элементарных частиц атома, обвитые виноградом. Такой выбор неслучаен

– Волгодонск задумывался как город атомщиков, и обязан своим существованием именно атомной энергетике. А виноградные грозди – тоже часть истории города, который славится своим виноградом. В народе «Атом» окрестили «бублик с изюмом».

Засмотревшись, не сразу замечаю, что одна из виноградных лоз, опутывающих памятник, еле заметно подрагивает. И только когда гибкая лиана устремляется ко мне, я выкручиваю руль, виляю в сторону, но все равно не успеваю скрыться. От удара меня прилично прикладывает к гнилому каркасу автомобиля, благодаря которому я все еще удерживаюсь в седле. Я срываю с бедра топорик и опускаю лезвие на вцепившуюся в заднее колесо лиану. Перерубить с первого раза не удается, но я неистово наношу удар за ударом, пока обрубок не уползает назад, извиваясь в дорожной пыли. Срываю остатки лианы с колеса. Надо торопиться, пока путь свободен. И тут я вижу их.

Назвать людьми эти создания у меня не поворачивается язык. Сплошь серые, любые детали внешности и одежды ускользают от взгляда, так, что виден только контур. Но в их чертах лиц я вижу что-то до боли знакомое. И с ужасом вдруг понимаю, откуда они. Кто-то покопался в моей памяти и выудил на свет забытые образы родных, друзей, просто знакомых. Смешал все в кучу и явил на свет эти порождения, медленно бредущие ко мне. Но этого не может быть! Все, что происходит сейчас со мной, – нереально! Я зажму-

риваю глаза и трясую головой, но наваждение не проходит.

Они все ближе. Идут на меня молча, без единого звука, в их вытянутых серых лицах я читаю безразличие. Впервые за долгое время самообладание покидает меня. Я вскидываю «ТТ» и яростно жму на спусковой крючок. Пули рвут в клочья эти лишенные эмоций лица. Но им на смену приходят другие. Кольцо вокруг меня сужается, чувствую, как серость проникает в мозг, подавляет эмоции и чувства. Скоро я стану одним из них, таким же серым, лишенным души. Пустой оболочкой. Страшно.

Врешь, я так просто не сдамся!

Движения даются с трудом, будто приходится продирааться сквозь густой кисель, на плечах – словно мешок с песком, затрудняющий движения, руки будто опутаны тяжелыми стальными цепями. Я кричу от злости, но не замечаю этого. Мой крик тут же вязнет в серых лицах, растворяется без остатка, глохнет, запутавшись в размытых контурах. Ближайшее создание хватает меня за руку, в локте резко вспыхивает боль, как от ожога. Я инстинктивно одергиваю руку и тычу топориком прямо в лицо ближайшей серости. И тут все заканчивается. Заполонившая все вокруг серость беззвучно осыпается осколками на асфальт, который впитывает их в себя, словно губка. Уже через секунду, я, оглушенный тишиной, уставший от борьбы, но не сломленный, озираюсь по сторонам посреди улицы, но вокруг все мертво и неподвижно.

Что это было? Уж не мираж ли? Не зря Степаненко предупреждал про сильную ментальную угрозу. Надо бежать отсюда, пока атака не повторилась. Кто знает, что там еще в запасе у того, кто атаковал меня.

Вдруг мне кажется, что на другой стороне улицы, там, где возле жилого дома стоял небольшой памятник безымянной девушке с книгой, какое-то движение. Неужели опять мираж? Опять это противное липкое чувство? Страх? Я вглядываюсь сквозь стекло шлема и понимаю – не показалось. Будто и не памятник это вовсе. И определенно в стройной фигурке девушки, медленно плывущей сейчас ко мне, есть что-то знакомое. Она смеется, и в этом мелодичном красивом звуке, который подхватил ветер, я чую враждебность. Прочь, прочь отсюда! Руки и ноги еле слушаются меня, когда я пытаюсь завести внезапно заглухший байк. Ну, давай, старина! Сейчас не время!

Мотоцикл досадливо ворчит, но все-таки уступает моим просьбам, и я, не решаясь лишний раз обернуться, мчусь мимо здания информационного пресс-центра АЭС, от которого остались только плиты и перекрытия, а все зеркальное великолепие окон осыпалось давным-давно, и дальше по проспекту. Но слова догоняют меня, словно кнут обжигая спину: – Тебе не убежать от судьбы, странник!

Я выжимаю газ до упора, объезжая навсегда застывшие автомобили на дороге, а спустя несколько мгновений ныряю направо, на улицу Смолякова, к пункту моего назначения.

Территория бывшей АТС

– Ну-ка, придержи коней! – хриплый голос мужчины, стоящего под раскидистой акацией, звучит негромко.

Он здесь явно не один, иначе бы не был так уверен в себе. Ага, среди веток что-то блеснуло. Наверняка оптика затаившегося снайпера. Впрочем, нужды в предупреждении нет – дорогу преграждает самодельный шлагбаум, и довольно внушительный.

Мужчина отлипает от кривоватого ствола дерева и не спеша, вразвалочку направляется ко мне. Его лицо обмотано то ли грязным шарфом, то ли тряпкой так, что видны лишь глаза. Одет в камуфляж, изрядно поношенный, а на локтях и коленках протертый почти до дыр. На первый взгляд кажется безоружным, но зачем ему тыкать в меня стволом, если в засаде сидит снайпер и следит за каждым моим движением? Я медленно поднимаю руки, демонстрируя пустые ладони:

– Я от Степаненко. Мне нужен Волк.

Мужик в камуфляже кивает.

– Всем нужен. Пароль знаешь?

– Кипарис.

Собеседник снова кивает.

– Ну, наконец-то! С прошлой недели ждем. Какого черта так долго?

Я начинаю закипать.

– Не слишком ли ты дерзкий?

Глаза мужчины сужаются, он глядит исподлобья, теребит воротник и раздумывает, что ответить, чтобы оно не выглядело поражением в этой словесной перепалке. Наконец, машет рукой:

– Двигай за мной. И без лишних движений, а то в голове появится лишняя дырка.

Я оставляю байк возле стены АТС. Здание, и двадцать лет назад не особо красивое, выглядит ужасно: вся краска облезла, и сейчас массивная коробка с остатками антенной вышки на крыше и редкими узенькими окнами больше похожа на часть мощной крепостной стены. Неплохой такой форпост вышел.

Мы огибаем здание и подходим к главному входу, возле которого красуются два ряда сваренных между собой железных балок, напоминающие противотанковые «ежи». Мужик в камуфляже пропускает меня вперед, а сам следует на три шага позади.

За дверью сразу начинается лестница, ведущая на верхние этажи. Мы поднимаемся на несколько пролетов выше, минуем небольшой коридор и останавливаемся перед кабинетом. На стене рядом нарисована черной краской морда волка с оскаленной пастью.

Те, кто обосновались на территории бывшей АТС, гордо называют себя Стаей. Волк, их главарь (разумеется, он пред-

почитают называть себя вожаком), явно обрадовавшийся гостю, рассказывает мне о своей общине, попутно потчует мутной бражкой, от которой мне все время приходится вежливо отказываться. Но Волк не оставляет своих попыток. Сухой, поджарый мужчина, коротко стриженный и с многочисленными шрамами, он смотрит на меня внимательно и уважительно. Чувствует, что мы равны, я не чета его шавкам в Стае.

– Мне сказали, байк у тебя хороший. Не продаешь?

Я мотаю головой.

– Ни за какие деньги.

– Жаль. Я бы не поскупился... Ну, ладно. А чем вообще занимаешься, Ямаха?

– Добрым людям помогаю. Вот и вам посылочку подкинул. До меня никто не решился через «Мирный Атом» сюда лезть.

Волк хмурится и кивает. Видно, местная аномалия успела попортить нервы и им тоже.

– Дрянь на «Мирном Атоме» нам всех распугает. Никак не можем придумать, что с нею делать. Ты как там вообще проскочил? Или объезжал?

– Да вот проскочил, хоть и с приключениями, – как можно небрежнее отвечаю я.

– Понятно...

Волк наливает себе еще бражки на полстакана, недовольно косится на мою нетронутую порцию.

– А на нашем картодроме бывал? – вдруг оживляется он. – Не припоминаю, чтобы я видел тебя когда-либо здесь. Ну, раз уж ты у нас в гостях, то приглашаю посмотреть. Сегодня состоится гонка.

Новость меня удивляет. Оказывается, на бывшей автостоянке за зданием АТС местные оборудовали картодром с трибуной и периодически проводят там соревнования на картах, собранных умельцами из останков машин. Из шин и остовов автомобилей обустроили трассу с крутыми поворотами и гоняют вовсю. Победитель срывает неплохой куш, процветает и тотализатор – соревнования приходят посмотреть за плату со многих районов города, даже бродяг и выродков пускают, если у них есть чем заплатить за вход.

– Запчасти нам для картов атоммашевцы подгоняют, а мы им – часть прибыли плюс ценную информацию. Все по-честному, – говорит мне Волк, пока мы выбираемся из здания и направляемся к бывшей автостоянке. – Где-то через час начнется гонка, – он смотрит на небо, – хорошая сегодня погода.

Когда мы подходим, я с сомнением гляжу на трибуну. На мой взгляд, эта конструкция в пять рядов пластиковых кресел уже давно должна бы развалиться: какая-то она кривая, перекошенная. На первом ряду, аккуратно посередке – места для здешней знати и ее ближайшего окружения, а также для элитных гостей. Кресла там отличаются повышенным комфортом, можно откинуться на спинку, под ноги подсунуть

пуфик. Остальное на трибуне – обычные пластмассовые сидушки, кое-как закрепленные на железных ржавых трубах. Я аккуратно сажусь с краю – если конструкция все-таки решит завалиться именно сегодня, хотя бы успею соскочить.

Оглядываюсь. Картодром обнесен забором с колючкой. Недалеко от входа ряд небольших барачков, откуда уже выкапывают на свет примитивные гоночные болиды. Народ уже потихоньку стягивается на трибуну. Вскоре она набивается почти под завязку, я даже слышу, как конструкция трещит под весом всех этих людей. Гомон, перекрикивания, смех – все сливается в жуткую какофонию. Кого здесь только нет: бродяги в робах, со спутанными длинными волосами, местные из Стаи в камуфляже, смуглые парни, одетые во что-то восточное и с ножами кукри на поясе, группа людей в черном с ног до головы, похожие на адептов какой-то секты, и даже... мускулистый чернокожий. Длинный посох с металлическим набалдашником явно служит ему не для ходьбы – подозреваю, что от этой штуки уже пострадало немало неосторожных голов. Да, публика здесь разнородная, но всех объединяет одно – азарт. По рядам ходит мужчина в бандане и очках без стекол, принимает от зрителей ставки на того, кто победит в сегодняшней гонке, и карандашом заносит в грязный блокнот с замасленными страницами имя владельца и сумму. С каждым перекидывается парой слов – по всему видно, что новичков на трибуне мало, сугубо знатоки и почитатели, давно знакомые друг с другом.

– Э, дружище, держи десять патронов на четвертую машинку! Задницей чую, она сегодня обскачет остальных, – ревет дородный детина мужику в очках. Он ссыпает в подставленную руку позвякивающие «монеты» и хлопает сидящего рядом по плечу. – Куплю тебе выпивку, если выиграю сегодня.

– Рэй! – сборщик в очках оборачивается на голос с последнего ряда. – Рэй, а Лаки почему сегодня не участвует? Не вижу его карта.

– Нogu сломал ваш Лаки, – бурчит в ответ сборщик по имени Рэй. – Не повезло, бывает.

Я смотрю на карты, стоящие на стартовой линии, и меня берет смех. Картом эти тележки с прикрученным к ним мотором и сиденьем назвать крайне сложно. Зато с оформлением перестарались. Художник, раскрашивавший их, явно страдает отсутствием эстетического вкуса. Несочетаемое буйство красок, нанесенные по трафарету рисунки, какие-то ленты, цепи с замочками, всевозможные металлические украшения. В центре группы картов выделяется больше всего один – в носовой части машинки закреплена то ли настоящая, то ли искусно сделанная из подручных материалов голова волка. Спустя пару минут я понимаю, когда вижу, кто усаживается на сиденье этого карта и начинает проверять, все ли работает, как надо, – вожак Стаи лично участвует в этих гонках.

Все готово к старту, последние приготовления подходят к

концу, механики отбегают от машин, и трибуна невольно замолкает, чтобы неистово взорваться десятками глоток сно-ва, когда карты по взмаху флага срываются с мест. Гонщи-ки остервенело крутят руль на поворотах, маломощные ма-шины прыгают на кочках и трещинах, сталкиваются друг с другом, пружинят от перегородок из шин, и все это проис-ходит под дикий гвалт толпы. Надо признать, Волк – непло-хой гонщик, он, конечно, играет на публику, иногда черес-чур смело идет на обгон, но риск оправдывается с лихвой – уже после пяти-шести кругов, растолкав всех соперников на трассе, главарь уверенно вырывается на первое место и до самого конца не отдает лидерства.

Наконец гонка закончена. Победитель явно доволен – вы-скакивает из машины, едва она остановилась, вскидывает приветственно руки. Местные отвечают, в диком восторге выкрикивая снова и снова: «Волк! Волк!! Волк!!!» Вожак подходит ближе к трибуне и, усмехаясь, обращается ко мне:

– Не желаешь со мной сразиться? Уверен, ты более чем достойный соперник.

Я машу рукой:

– Не люблю проигрывать, а на твоих машинках я не ездил. Сам понимаешь, в чужом седле мне некомфортно.

– Ладно, Ямаха, – Волк смеется. – Сдается мне, ты по-скромничал.

Народ на трибуне начинает потихоньку редеть, кто-то, до-вольный тем, что его ставка выиграла, спешит к Рэю за день-

гами, кто-то хмурится и недовольно зыркает по сторонам, а кто-то уже бредет по направлению к выходу.

– Выпивка за мой счет! – ревет Волк своим людям. – Присоединишься? – спрашивает он уже меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.